

БАШКИРСКИЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
(ФИЛИАЛ) ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ПРОФСОЮЗОВ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АКАДЕМИЯ ТРУДА И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

А. С. Курманов

**ОБЪЕКТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ
И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА**

Учебное пособие

Уфа 2019

УДК 343.4
ББК 67.4
К93

Курманов, А. С.

К93 Объекты преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина : учебное пособие / А. С. Курманов. — Уфа : Издательство БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО», 2019. — 112 с.

ISBN 978-5-904354-79-4

В учебном пособии раскрываются признаки объектов преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина. На основе теоретического анализа отечественного и зарубежного уголовного законодательства, иных нормативных правовых актов, научных работ автором предлагаются собственные дефиниции объектов преступлений данной группы.

Адресовано студентам высших учебных заведений, преподавателям, аспирантам, сотрудникам правоохранительных органов, а также широкому кругу читателей, интересующимся вопросами теории и практики охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Рецензенты:

Р. Х. Гиззатуллин, доктор юридических наук, доцент;

Л. В. Лившиц, кандидат юридических наук, доцент
ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан»

УДК 343.4
ББК 67.4

ISBN 978-5-904354-79-4

© Курманов А. С., 2019
© Оформление. БИСТ (филиал)
ОУП ВО «АТиСО», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1	
Родовой и видовой объекты преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина	6
1.1 Родовой объект преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина	6
1.2 Видовой объект преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина	13
Глава 2	
Непосредственный объект, предмет и потерпевший в преступлениях против конституционных прав и свобод человека	33
2.1 Непосредственный объект, предмет и потерпевший в преступлениях против личных прав и свобод человека и гражданина	34
2.2 Непосредственный объект, предмет и потерпевший в преступлениях против политических прав и свобод человека	65
2.3 Непосредственный объект, предмет и потерпевший в преступлениях против социальных прав и свобод человека	76
2.4 Непосредственный объект, предмет и потерпевший в преступлениях против интеллектуальных прав	92
Заключение	96
Библиографический список	98

ВВЕДЕНИЕ

Учебное пособие «Объекты преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина» подготовлено для студентов, изучающих дисциплину «Уголовное право» в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования.

Настоящее учебное пособие вызвано значимостью и актуальностью для современной России, обеспечивать, в том числе мерами уголовно-правового характера права и свободы человека и гражданина, провозглашенные Конституцией Российской Федерации. Данное пособие призвано дополнить содержание учебников по дисциплине «Уголовное право» в вопросе ответственности за преступления, предусмотренные гл. 19 УК РФ.

Права и свободы — являются неотъемлемым институтом человека в любом обществе, на любом этапе его развития, поэтому общество всегда уделяло значительное внимание их содержанию и защите. Современный мир столкнулся с важнейшей проблемой — как не допустить систематического и массового нарушения прав и свобод, поскольку ни одно государство не может называться правовым, если надлежащим образом в нем не обеспечены основные права и свободы не только его граждан, но и иных лиц, находящихся на его территории. В связи с этим на национальном и международном уровне принимаются различные законы, направленные на регулирование и охрану прав и свобод человека. Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за нарушение прав и свобод, так же занимают важное положение в системе поддержания баланса в этой области.

В настоящей работе проведен комплексный уголовно-правовой анализ родового, видового и непосредственных объектов преступлений данной группы на основе нового уголовного и иного законодательства с учетом авторского понимания некоторых вопросов толкования признаков данного элемента состава преступления. Настоящее издание

является развитием научных исследований автора в сфере уголовной ответственности за преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Учебное пособие «Объекты преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина» направлено на реализацию основных целей: закрепление изученного учебного материала по вопросу объектов преступлений, предусмотренных гл. 19 УК РФ, приобретение навыков уголовно-правовой квалификации преступлений данного вида, необходимых для формирования необходимых компетенций будущих специалистов в области юриспруденции.

Содержание учебного пособия отражает цели, поставленные перед учебным изданием, а также логику авторского изложения учебного материала. Работа состоит из введения, двух глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения и библиографического списка.

Пособие студентами необходимо использовать при углубленной самостоятельной подготовке к практическим занятиям по теме «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» дисциплины «Уголовное право», а также при осуществлении научно-исследовательской деятельности (подготовка научного доклада, выступление на конференции и т. п.).

Глава 1

РОДОВОЙ И ВИДОВОЙ ОБЪЕКТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

1.1 Родовой объект преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина

Права и свободы человека являются одним из центральных институтов в правовом диапазоне. Принципиальный характер проблем, связанных с ними, предопределяет высокий уровень интереса к данному феномену со стороны общества¹. Не случайно уголовное право берет под охрану эти наиболее ценные, имеющие стратегическое значение объекты, от преступных посягательств. Именно в обеспечении полной реализации прав и свобод их обладателями и заключается сама суть государственной власти. «...Люди объединились в государство не по божественному повелению, а добровольно, убедившись на опыте в бессилии отдельных рассеянных семейств против насилия...»².

Объекту преступления в уголовно-правовой литературе уделяется достаточно большое внимание³. Тем не менее, вопрос об объекте пре-

¹ См., напр.: Мартыненко Н. Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего : дис. ... д-ра. юрид. наук., М., 2015; Багмет А. М., Скобелин С. Ю. Пределы ограничения конституционных прав граждан в ходе осмотра сотовых телефонов участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 6. С. 97–103; Охранительный механизм в правовой системе социализма. Красноярск, 1989; Синюкова Т. В. Юридические гарантии реализации прав и обязанностей советских граждан (вопросы теории) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986; Карташкин В. А. Механизм защиты прав человека // Ежегодник российского права М., 2000. С. 340; Толкачев К. Б., Хабидуллин А. Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. Уфа, 1991; Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997; Владыкина Т. А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Уголовное право. 2016. № 4. С. 93–100.

² Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1956. С. 203.

³ См., напр.: Никифоров Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960; Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980; Таций В. Я. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву. Харьков, 1988. и др.

ступления остается наиболее сложным и дискуссионным. Он включает в себя такие спорные компоненты, как содержание и внутренняя структура объекта уголовно-правовой охраны; классификация объектов; понятие непосредственного объекта, их виды; понятие предмета преступления и его соотношения с непосредственным объектом; роль предмета преступления и др.

Правильное решение всех этих дискуссионных вопросов имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. От точности выяснения сущности объекта преступления зависит решение вопросов определения правильной политики государства в области уголовно-правовой охраны социально-значимых интересов, нормотворческой инициативы, квалификации деяний, разграничения смежных составов преступлений, назначения справедливого наказания и т. п.

Для проводимого исследования важность определения объектов анализируемых составов преступлений состоит еще и в том, что в результате удастся установить пределы уголовной ответственности за деяния, предусмотренные нормами гл. 19 УК РФ. Подобная необходимость особенно остро проявляется при сопоставлении общепризнанных принципов и норм международного права, положений Конституции Российской Федерации и уголовного закона. В результате сравнительного анализа указанных нормативных источников становится очевидным, что далеко не все конституционные права и свободы человека охраняются нормами указанной главы (напр., за пределы ее юрисдикции выведено право на жизнь, личную неприкосновенность и др.), но и те из них, которые включены в объект данных составов преступлений, охраняются не в полном объеме (напр., уголовный закон не обеспечивает право не исповедовать никакой религии). Следовательно, только решение указанной задачи позволит снять все спорные вопросы и установить те области общественных отношений, которые на сегодняшний день не просто декларативно прописаны в Конституции Российской Федерации, а в ранге объектов преступлений, предусмотренных гл. 19 УК РФ, получили защиту уголовного закона. Наряду с определением объектов рассматриваемых преступлений, попробуем в данном параграфе установить сферы общественных отношений, которые подлежат охране смежными нормами уголовного законодательства зарубежных государств. Подобное сравнение представляет для нас неподдельный интерес, поскольку оно покажет, какова масштабная разница в охране прав и свобод человека по законодательству разных стран, на основании чего можно будет предположить, чье законодательство больше ориентировано на охрану прав и свобод человека.

О сложности и значимости рассматриваемой темы свидетельствует тот факт, что среди правоведов до сих пор не удалось выработать общего мнения, что понимать под объектом преступления. Единственное, в чем позиции сходятся, так это в том, что объект охраняется конкретной уголовно-правовой нормой и именно с целью его охраны законодатель издает соответствующие нормы в рамках статей уголовного кодекса¹. Например, в литературе предлагаются следующие дефиниции объекта преступления: В. Д. Спасович, отмечал, что «преступление посягает на чье-либо право»², которое и следует рассматривать в качестве объекта преступления; Н. С. Таганцев в качестве последнего рассматривал саму правовую норму³; Г. П. Новоселовым обосновывается позиция, согласно которой «объектом любого преступления, а не только направленных против личности, выступают люди, которые, в одних случаях, выступают в качестве отдельных лиц, в других — в виде некоторого множества лиц, имеющих или не имеющих статус юридического лица, в-третьих, — в виде социума (общества)»⁴. Некоторые современные исследователи высказываются за то, чтобы объектом признавать те блага и интересы, на которые направлено преступление⁵. Высказываются и другие авторские точки зрения, например, когда в этом качестве рассматриваются отдельные лица или какое-то множество лиц, материальные или нематериальные ценности, которые подвергаются противоправному воздействию⁶. Не вступая в дискуссию по этому вопросу, будем придерживаться позиции, разделяемой большинством ученых-правоведов, как отмечалось выше, признавая в качестве объекта преступления общественные отношения⁷.

¹ Уголовное право. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Ю. И. Ткачевского, Г. Н. Борзенкова. М., 1993. С. 109.

² Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Часть Общая. СПб., 1863. С. 84.

³ Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая. Т. 2. СПб. С. 516.

⁴ Новоселов Г. П. Указ. соч. С. 84.

⁵ Наумов А. В. Уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 1996. С. 147.

⁶ Уголовное право. Общая часть : учеб. / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М., 1999. С. 135.

⁷ См., напр.: Уголовное право России. Общая часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996. С. 110; Фролов Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 21; Иванов В. Д. Уголовное право. Общая часть. Ростов н/Д., 2002. С. 76; Трифанов В. В., Хабаров А. В. Уголовное право Российской Федерации. Тюмень, 2004. С. 92; Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М., 1997. С. 183; Уголовное право. Общая часть : учеб. / под ред. Р. Р. Галиакбарова. Саратов, 1997. С. 142 и др.

В. Д. Филимонов в качестве структурных элементов объекта выделяет: 1) субъектов общественных отношений; 2) социальное благо — как предмет общественных отношений; 3) связи между субъектами общественных отношений по поводу социального блага¹. Так, субъектами общественных отношений могут выступать как граждане, так и организации или государство. Предметом отношений выступает социальное благо, которыми признаются материальные, духовные ценности или иные общественные отношения. Применительно к нашему исследованию — это конституционные права и свободы человека. Связи между субъектами по поводу социального блага выражаются, с одной стороны, в потребности субъекта без препятствий пользоваться свойствами принадлежащего ему социального блага, а с другой — в необходимости других субъектов общественного отношения воздерживаться от действий, препятствующих ему в использовании социального блага в своих интересах. В связи с изложенным высказываемая некоторыми авторами позиция, что непосредственными объектами преступлений, входящих в гл. 19 УК РФ, являются сами права и свободы², с позиции предлагаемой трактовки объекта — как общественного отношения, представляется не совсем точной, поскольку права и свободы, как социальное благо — это только составная часть общественного отношения, а, следовательно, и объекта преступления³.

Раскрывая внутреннюю структуру объекта преступления, следует указать, что это сложное, многомерное, социально-правовое явление, часть объективной реальности, обладающее свойством ценности, причинение вреда которому составляет сущность общественной опасности любого преступного посягательства⁴. Процесс определения круга общественных отношений, которые нуждаются в защите уголовного права, по словам Л. Д. Гаухмана, представляется в гносеологическом понимании, как процесс отражения, процесс движения от конкретного, существующего в действительности, к абстрактному⁵. При этом обще-

¹ Филимонов В. Д. Норма уголовного права. СПб., 2004. С. 96.

² См., напр.: Трифанов В. В. Указ. соч. С. 234; Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. А. А. Чекалин. М. 2002. С. 351; Иванов В. Д. Уголовное право. Особенная часть. Ростов н/Д., 2002. С. 90 и др.

³ О соотношении объекта преступления и блага см. также: Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб., 2003. С. 21–24.

⁴ Зателепин О. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве // Уголовное право. 2003. № 1. С. 29.

⁵ Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2003. С. 61.

ственные отношения складываются сами по себе в процессе существования общества и не зависят от признания их законодателем в качестве охраняемых нормами уголовного права, хотя закон, в том числе уголовный, безусловно, содействует их образованию. Например, проблема с несвоевременной выплатой заработной платы существует многие годы, тогда как норма, непосредственно направленная на пресечение подобных деяний, была введена в УК РФ в 1999 году.

Общий круг общественных отношений, охраняемых уголовным правом, указан в ч. 1 ст. 2 УК РФ. По мнению А. И. Чучаева, общий объект един для всех преступлений, так как любое общественно опасное деяние, причиняя вред той или иной группе общественных отношений, входящих в указанную совокупность, тем самым наносит ущерб и всей системе общественных отношений, составляющих предмет уголовно-правовой охраны¹. Как видим, на вершине данной пирамиды законодатель поставил права и свободы человека, чем подчеркнул их особую значимость по сравнению с другими общепризнанными правоохраняемыми интересами личности, общества и государства, такими как собственность, общественный порядок и общественная безопасность, окружающая среда, конституционный строй Российской Федерации, а также безопасность человечества.

Традиционным в уголовно-правовой доктрине является трехзвенное деление объектов преступлений на родовой, видовой и непосредственный. По данному принципу сконструирована Особенная часть УК РФ, где в зависимости от объекта, преступления объединяются по главам и разделам (по видовому и родовому объектам соответственно). Для их характеристики воспользуемся определением, которое предлагает В. Е. Мельникова. Так, родовым объектом она признает совокупность однородных по своей сущности общественных отношений, которые положены в основу систематизации норм Особенной части УК РФ, по разделам. Соответственно, в тех случаях, когда раздел Особенной части УК РФ имеет главы, видовым объектом являются общественные отношения, на которые посягают преступления, сгруппированные в пределах одной главы².

В разделе 7 УК РФ все деяния направлены на один родовой объект, согласно его заглавия — это общественные отношения, охраняющие

¹ Уголовное право России. Общая часть : учеб. / под ред. А. И. Рарога. М., 1998. С. 10.

² Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учеб. / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1999. С. 112.

личность, ее правовой статус. Однако название раздела «Преступления против личности» вызывает определенную полемику среди правоведов¹. Поскольку от точного наименования раздела и главы напрямую зависит правильное определение родового и видового объектов, считаем целесообразным исследовать данный вопрос. Такую же неточность при определении родового объекта преступлений данной группы, на наш взгляд, допустили законодатели Республики Таджикистан, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Азербайджанской Республики, Кыргызской Республики и других, озаглавивших анализируемый раздел аналогично со своими российскими коллегами. Встречаются и другие дефиниции, например, в УК Аргентины соответствующий раздел 5 озаглавлен как «Преступления против свободы».

Дело в том, что «личность» — это социальное понятие, характеризующее человека, как субъекта общественных отношений, члена социума с присущими ему интеллектуальными, эмоциональными и волевыми качествами². Некоторые авторы предлагают не противопоставлять понятия «личность» и «человек»³, т.к. личность — это, в первую очередь, биологическое существо, человек, а потом уже носитель определенных прав и обязанностей, соответственно охране будут подлежать интересы любого индивида в случае их нарушения уголовно наказуемым деянием. Другие, напротив, анализируя соотношение этих понятий, приходят к обоснованному выводу: «Личность должна обладать чертами, которые свойственны лишь взрослому и психически нормальному человеку»⁴. Подвести итог можно словами Н. И. Матузова: «Не всякий человек личность, но всякая личность — человек»⁵. Следовательно, не каждого человека в силу его индивидуальных особенностей можно признать личностью (напр., ребенка или душевнобольного), однако это не означает, что он не находится под защитой уголовного законодательства. Конечно, соотношение указанных понятий можно рассмотреть в контексте, что человек ассоциируется с ча-

¹ См., напр.: Серебренникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М, 2008. С. 6.

² Краткий политический словарь / под. ред. Л. А. Ониква и Н. В. Шишлина. М., 1997. С. 229.

³ Курс уголовного права. Т 3. / под. ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2001. С. 61.

⁴ Тугаринов В. П. Личность и общество. М., 1965. С. 40.

⁵ Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. М., 1972. С. 68.

стью природы, а личность с субъектом правоотношений, возникающих в процессе взаимодействия с другими людьми, обществом и государством. Однако, как пишет И. Я. Козаченко: «категория «личность» этимологически сориентирована на социально-духовную сферу чаще собирательного, а потому и неперсонифицированного человека. В этой связи абсурдно звучат обороты убийство «личности», торговля «личностью» и др.»¹.

Данная коллизия обостряется тем, что в общепризнанных принципах и нормах международного права используется термин: «права и свободы человека»². Аналогичная ситуация наблюдается и в Конституции Российской Федерации. Например, ст. 2 Конституции Российской Федерации провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью, а глава 2 так прямо и называется «Права и свободы человека и гражданина». Таким образом, основополагающим при определении правового статуса индивида является не термин — «личность», а более широкое понятие — «человек». К тому же, сам УК РФ в ст. 2 определил одну из задач уголовного законодательства — охрану прав и свобод именно — человека. По этой причине мы не согласны с С. В. Тасаковым, определяющим именно личность носителем конституционных прав и свобод, на которые посягает преступник³. Тогда как другие исследователи солидарны с нами в таком подходе⁴.

Из сказанного можно сделать вывод, что заглавие раздела 7 УК РФ следует привести в соответствие с иерархически вышестоящими нормативными актами. Только в этом случае формулировка раздела будет отображать содержащиеся в нем запреты преступных посягательств на

¹ Козаченко И. Я. Антропологические модели уголовного права // Межотраслевые аспекты и методология уголовного права : мат-лы Междунар. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 2006. С. 15.

² См., напр.: Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17 (1831). Ст. 291; Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. 2001. 8 янв. № 2. Ст. 163; Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1998. 10 дек.

³ Тасаков С. В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 39.

⁴ См., напр.: Мачковский Л. Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук / Л. Г. Мачковский. М., 2005. С. 116.

любого человека, независимо от того, обладает ли он качествами, присущими «личности», или нет. Раздел следует озаглавить: «Преступления против человека». Именно такое, на наш взгляд, более удачное название раздела встречается в УК Республики Армения (раздел 7), УК Грузии (раздел 7), УК Республики Беларусь (раздел 7). Соответственно, в уголовном праве указанных стран более точно определена рассматриваемая область общественных отношений по сравнению с российским законодательством.

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под родовым объектом?
2. Как в действующей редакции УК РФ может быть сформулирован родовой объект преступлений, предусмотренных разделом 7 УК РФ?
3. Является ли действующая дефиниция родового объекта анализируемых преступлений научно-обоснованной?
4. Какое определение родового объекта будет более полно отражать содержание общественных отношений, охраняемых нормами раздела 7 УК РФ?

1.2 Видовой объект преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина

Рассмотрев вопросы родового объекта преступлений, предусмотренных разделом 7 УК РФ, хочется отметить, что нормы, которые содержатся в данном разделе (ст.ст. 105–157 УК РФ), распространяют свою охранительную функцию далеко не на все права, свободы и интересы, составляющие правовой статус физического лица. Это происходит в силу того, что социальные связи и отношения, в которых конкретное лицо потенциально может выступать в качестве субъекта (например, право собственности, право на судебную защиту, на обращения в органы государственной власти и др.), гораздо многообразнее перечисленных и охраняемых статьями 7 раздела УК РФ.

Анализ данного раздела позволяет установить, что область его распространения ограничивается пятью группами преступных деяний, это: 1) преступления против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ); 2) преступления против свободы, чести и достоинства (гл. 17 УК РФ); 3) преступления против половой свободы и половой неприкосновенности

(гл. 18 УК РФ); 4) преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (гл. 19 УК РФ); 5) преступления против семьи и несовершеннолетних (гл. 20 УК РФ).

Указанные деяния, в свою очередь, объединяются в группы (главы) по признакам видového объекта. Глава 19 УК РФ содержит нормы, предусматривающие ответственность за посягательства, главным образом, на основные неимущественные права и свободы человека, закрепленные в главе 2 Конституции РФ. Например, они могут посягать на равноправие граждан, на право трудиться в безопасных условиях, на свободу выборов, на право неприкосновенности частной жизни и т. д.¹

Опять же, обращает на себя внимание вопрос о ее названии, а соответствует ли оно по объему, охраняемым правам и свободам, включенным в данную главу. Из заголовка следует, что видовым объектом этой группы преступлений являются все общественные отношения, составляющие предмет правового регулирования гл. 2 Конституции Российской Федерации. Но это далеко не так, поскольку, как нами установлено выше, не только гл. 19, но и сам разд. 7 УК РФ, в который она входит, не осуществляет охрану всех конституционных прав и свобод человека.

Во-первых, отношения, складывающиеся в ходе реализации указанных прав и свобод, подлежат комплексной правовой защите и гарантируются государством. В свою очередь, нарушение конституционных прав влечет юридическую ответственность, которая в зависимости от способа их нарушения, тяжести причиненных последствий и ряда других обстоятельств, в подобных случаях может быть: гражданской, дисциплинарной, административной или уголовной.

Во-вторых, если говорить об уголовной ответственности за посягательства на закрепленные Конституцией Российской Федерации основные права и свободы, то можно констатировать, что они охраняются статьями, содержащимися в различных разделах и главах Уголовного кодекса, следовательно, в той или иной мере являются объектами многих преступлений, например, преступлений, предусмотренных ст. ст. 105, 127, 132, 163, 237, 246 УК РФ. В подтверждение этому можно добавить и то, что сами объекты преступлений, предусмотренных в гл. 19 УК РФ, могут выступать в качестве дополнительных или факультативных объектов в других преступлениях. Так, неприкосновенность жилища охраняется и ст. 139 УК РФ, и с помощью ст. ст. 158, 161, 162 УК РФ, устанавливающих ответственность за кражу, грабеж или

¹ Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. Т. 2. М., 2000. С. 147.

разбой, сопряженные с незаконным проникновением в жилище; возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды (ст. 282 УК РФ) наряду со своим непосредственным объектом посягает и на равноправие граждан и т. д.

В-третьих, гл. 19 УК РФ содержит 17 статей (ст. ст. 136–149 УК РФ), направленных на воспрепятствование посягательствам на конституционные права и свободы человека. При этом ряд составов преступлений направлены на защиту одного объекта (напр., объектом преступлений, предусмотренных ст. ст. 141, 141.1, 142, 142.1 УК РФ, являются отношения по поводу реализации провозглашенных Конституцией Российской Федерации прав избирать и быть избранным, и права на участие в референдуме). В то время, как в гл. 2 Конституции Российской Федерации провозглашается значительно большее количество прав и свобод человека.

В-четвертых, права и свободы, ответственность за посягательства на которые установлена в гл. 19 УК РФ, нельзя даже назвать основными. Так, например, право на жизнь или на личную свободу, расположенные соответственно в главах 16 и 17 УК РФ, важнее права на неприкосновенность жилища или права на тайну сообщений, закрепленных в главе 19 УК РФ.

Данная позиция находит поддержку и у других ученых, например, Л. Г. Мачковский отмечает, что уголовно наказуемые посягательства права и свободы размещены законодателем в различных разделах и главах Особенной части УК РФ. Например, в главах 16, 17, 18, 19, 20 раздела 7 УК РФ; гл. 25 (ст. 239) и 26 раздела 9 УК РФ; гл. 31 раздела 10 УК РФ. Естественно, что деяния, предусмотренные указанными нормами, имеют различные видовые и родовые объекты, однако их объединяет одно общее свойство — все они нарушают конституционные права и свободы людей. Например, при анализе уголовно-правовых средств защиты социально-экономических прав и свобод обнаруживаются, что право на безопасные условия труда — обеспечивается ст. 143 УК РФ, а также нормами из гл. 24 разд. 9 УК РФ; право собственности и свобода экономической деятельности — главами 21–23 разд. 8 УК РФ и т. д.¹

Из сказанного можно сделать вывод: название гл. 19 УК РФ не соответствует содержанию ее норм, так же как и название раздела, в котором она расположена. Но, если название раздела сужено, выделяя

¹ Мачковский Л. Об объекте преступлений, предусмотренных в главе 19 УК РФ // Уголовное право. 2001. № 4. С. 54.

только личность, как носителя субъективных прав, то название главы, напротив, сформулировано слишком широко. Ранее этот вопрос уже поднимался в юридической литературе. Так А. Н. Красиков, например, обосновывая несоответствие названия главы 19 УК РФ ее содержанию, предлагал заменить его на «Преступления против иных конституционных прав и свобод человека и гражданина». Логическая завершенность такой формулировки будет, по его мнению, в том случае, если поменять местами гл. 19 с гл. 20 УК РФ, т. е. сделать ее последней в разделе «Преступления против личности». Таким образом, в седьмом разделе будут содержаться только те преступления, которые посягают на права человека как отдельного индивида, а все остальные преступления Особенной части должны быть разделены на две группы преступления против: 1) общества и 2) государства¹.

Если обратиться к зарубежному опыту и посмотреть, как зарубежные законодатели решили данную проблему с названием соответствующих разделов и главы, то полученные результаты демонстрируют несколько самостоятельных вариантов в ее решении. Наиболее востребованными из них являются: 1) соответствующая глава названа идентично УК РФ, что характерно для ряда стран СНГ; 2) интересующие нас нормы состоят из структурных элементов (глав, разделов, отделов и пр.), которые, в свою очередь, не подлежат дальнейшему делению (по признакам подвидового объекта); 3) иное название главы при сходстве уголовно-правовых норм, включенных в нее.

Проиллюстрируем на примере объекта посягательств на порядок проведения выборов. В данном случае можно выделить несколько групп общественных отношений, которым данными преступлениями причиняется вред с позиции законодателей разных стран. Например, деяния отнесены: к преступлениям против конституционных прав и свобод (наряду с Россией такой подход разделяет Болгария, Республика Беларусь, Украина, Республика Узбекистан, Кыргызская Республика и др.); к преступлениям против конституционных органов, а также, связанных с выборами и голосованием (Германия); к проступкам против воли народа (Швейцария); к преступлениям против общественного порядка (Испания) и т. д. Однако, в конечном счете, включенные в них нормы направлены на защиту конституционных положений в области прав и свобод человека.

¹ Красиков А. Н. Уголовно-правовая охрана политических, гражданских и иных конституционных прав и свобод человека и гражданина в России. Саратов, 2000. С. 26.

Характеризовать первый из них не имеет смысла, поскольку он не решает поставленной перед ним задачи, оставляя исследуемую проблему на том же месте. Определенное решение изложенной проблемы можно усмотреть во втором варианте, но такая конструкция закона в большинстве случаев имеет двучленную систему объектов, либо вычленение новых видовых объектов, следовательно, не подходит для нас, поскольку повлечет за собой изменение всей структуры российского уголовного законодательства. Отметим, что такой подход заслуживает внимания, однако в рамках проводимой работы, мы не планируем проводить какую-либо перегруппировку всей Особенной части УК РФ, поэтому оставим его для других научных изысканий специализирующихся именно на этих вопросах.

Из проанализированных нами вариантов в сложившейся ситуации может претендовать на более применимый — третий вариант, в котором предпринята попытка достичь намеченной цели путем точного формулирования названия главы, отражающего содержание видового объекта. Однако мы не встретили в УК зарубежных стран соответствующего названия, которое бы безупречно отвечало нашим требованиям применительно к анализируемой группе преступлений. Например, используются следующие вариации: «Преступления против прав граждан» (гл. 3 УК Болгарии); «Преступления против политических, трудовых и других прав граждан» (гл. 5 УК Республики Молдова); «Преступления против права граждан на жизнь и демократических прав граждан» (гл. 4 УК КНР); «Преступления против свободы» (раздел 2 УК Турции); «Преступные деяния против основных прав и свобод лица»; «Преступления против прав и свобод человека» (гл. 23 УК Грузии); «Преступления против трудовых и политических прав» и др. Анализ норм, включенных в указанные главы, показал, что их заглавиям присущи те же недостатки, что и названию гл. 19 УК РФ, а именно, несоответствие объему охраняемых прав. Следовательно, перед зарубежной уголовно-правовой наукой проблема формулирования точного заглавия соответствующих глав стоит не менее актуально.

Таким образом, необходимо либо расширить гл. 19 УК РФ, включив в нее все составы преступлений, расположенные в уголовном кодексе, которые направлены на охрану конституционных прав и свобод человека, либо изменить ее название. Осуществление первого варианта в принципе вряд ли возможно, собственно почему мы и не согласились с предложением А. Н. Красикова, иначе придется переименовывать разд. 7 УК РФ в «Преступления против конституционных прав и свобод», т. к. такое заглавие больше подходит именно для него. Од-

нако и этого будет недостаточно, даже если не брать во внимание те преступления, где конституционные права выступают в роли дополнительных и факультативных объектов, тогда что делать с правом собственности, которое охраняется гл. 21 УК РФ «Преступления против собственности», — одним из важнейших составляющих правового статуса человека. Включить содержащиеся в ней составы преступлений в анализируемую главу мы не можем, т.к. они рассчитаны на защиту не только частной собственности физических лиц, но и юридических лиц, государственной, муниципальной и иной собственности. Разделение же ответственности по признаку владельца имущества и выделение дублирующих составов преступлений за посягательства на собственность физических лиц, явно нецелесообразно.

Более приемлемым представляется второй подход, а именно: правильно переименовать гл. 19 УК РФ. Однако решение этого вопроса представляется невозможным, если не выяснить, каким образом группируются общественные отношения по признакам подвидового объекта в данной главе.

Раскрывая вопрос системы преступлений против конституционных прав, стоит отметить, что любая отрасль права представляет собой единый комплекс взаимосвязанных между собой систематизированных по группам правовых институтов. Уголовное право в этом смысле не является исключением. В нем четко прослеживается внутреннее структурирование на Общую и Особенную части, которые, в свою очередь, подразделяются на разделы и главы¹. Однако на этом группировка норм уголовного закона не заканчивается. Вместе с тем, если применительно к разделам и главам законодатель установил их структуру, то последующее деление норм на группы в самой главе (по признакам подвидового или непосредственного объектов) вызывает полемику среди ученых.

Применительно к деяниям, предусмотренным гл. 19 УК РФ, все входящие в нее составы преступлений также подлежат дальнейшей классификации в зависимости от сферы правоприменения. Поскольку указанные уголовно-правовые нормы напрямую связаны со структурой конституционных прав и свобод человека, их систематизацию целесообразно проводить в соответствии с классификацией последних. Аналогичного мнения, что в основе такой группировки должен лежать конституционно-правовой подход, придерживаются и другие ученые. Так,

¹ Подробнее см.: Уголовное право России. Общая часть / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996. 32–39; Уголовное право / под. ред. Н. И. Ветрова, А. В. Арендаренко. М., 2002. С. 8. и др.

по мнению А. Н. Красикова, при классификации преступлений против прав и свобод человека следует исходить из официальной классификации, которая сложилась на базе международно-правовых актов¹, которую мы можем проследить, если проанализируем соответствующие источники международного права: Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и ряд др. Их анализ позволят права и свободы человека классифицировать на: личные (гражданские), политические, экономические, культурные и трудовые.

В российской конституционно-правовой литературе предлагается трехчленное деление на социально-экономические, политические и личные права человека, где за основу принимается материальный критерий, когда группировка производится на близкие по содержанию права и свободы². Подробно данная проблема исследовалась Л. Д. Воеводиным, который обозначил следующие группы прав и свобод: а) в сфере социально-экономической и культурной жизни; б) в сфере государственной и общественно-политической жизни; в) в сфере индивидуальной свободы³. Встречается и иная позиция. Например, В. Н. Иванов считает, что нормы, направленные на охрану равноправия, «необходимо рассматривать особо» среди социально-экономических, политических и личных прав⁴. С ним в этом вопросе соглашается А. В. Кузнецов⁵.

Даже при отсутствии единого взгляда на подобную группировку конституционных прав, сказанное позволяет констатировать, что их деление на личные, социально-экономические и др. основано на соответствии предмету правового регулирования, т. е. характеру регулируемых правом общественных отношений. Таким образом, права и свободы образуют систему (внутреннюю структуру) в соответствии со сферами своей деятельности.

¹ Красиков А. Н. Указ. соч. С. 29.

² См.: Авакьян С. А. Конституционное право России. Т. 1. М., 2005. С. 575; Советское государственное право. М., 1950. С. 147–148 и др.

³ Воеводин Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972. С. 210–258.

⁴ Иванов В. Н. Уголовно-правовая охрана основных прав граждан. М., 1967. С. 12.

⁵ Кузнецов А. В. Уголовно-правовая охрана интересов личности в СССР. М., 1969. С. 80.

Однако в правовой литературе нет единого мнения не только по систематизации, но и по вопросу, как в указанных подгруппах должны располагаться права и свободы. В одном случае, к личным правам авторы относят: право на жизнь (ч. 1 ст. 20, здесь и далее Конституции Российской Федерации); право на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22); право на неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23); право на личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23); право определять и указывать свою национальную принадлежность (ч. 1 ст. 26); право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 2 ст. 26); право на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства (ч. 1 ст. 27); право на свободу совести, свободу вероисповедания (ст. 28); право на свободу мысли и слова (ч. 1 ст. 29); право на информацию (ч. 4 ст. 29).

К политическим: право на массовую информацию (ч. 5 ст. 29); право на объединение (ст. 30); право на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования (ст. 31); право граждан на участие в управлении делами государства (ч. 1 ст. 32); право избирать и быть избранным (ч. 2 ст. 32); право участвовать в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32); право на обращение (ст. 33).

К социально-экономическим и культурным: право на свободное использование своих способностей и имущества для экономической деятельности (ч. 1 ст. 34); право частной собственности (ч. 1 ст. 35); права в сфере труда (ч. ч. 1–4 ст. 37); право на отдых (ч. 5 ст. 37); принцип защиты материнства и детства (ч. 1 ст. 38); принцип предоставления социального обеспечения (ч. 1 ст. 39); право на жилище (ч. 1 ст. 40); право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 1 ст. 41); право на благоприятную окружающую среду (ст. 42); право на судебную защиту (ч. 1 ст. 46); право на возмещение государством вреда (ст. 53); право на образование (ч. 1 ст. 43); право на участие в культурной жизни (ч. 2 ст. 44) и др.¹

По мнению других специалистов, личные права отражены в ст. ст. 19–28 Конституции Российской Федерации, политические — в ст. ст. 29–33, социально-экономические — в ст. ст. 34–42 и культурные — в ст. ст. 43–44 соответственно². Сказанное позволяет сделать

¹ Головистикова А. Н., Грудцина Л. Ю. Права человека. М., 2006. С. 108.

² Баглай М. В., Габричидзе Б. Н. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. С. 162; Права человека : учеб. для вузов / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2001. С. 151–170.

вывод, что подобная классификация носит условный характер, и отдельные права по своему характеру одновременно могут быть отнесены к разным группам (например, свобода слова в равной мере может быть отнесена как к личным, так и к политическим правам). По мнению М. В. Баглая, подобный плюрализм мнений возможен, потому что все права и свободы неразделимы и взаимосвязаны между собой¹.

Надо иметь в виду, что предложенная классификация конституционных прав и свобод не является единственной. Наряду с ней можно выделить и иные основания, например: а) по характеру образования — на конституционные и отраслевые; б) по генезису — на естественные и позитивные; в) в зависимости от субъекта — на права человека и права гражданина и т.п. Однако в рамках проводимого исследования, наиболее значимо деление в соответствии со сферами деятельности. Именно оно в полной мере позволяет классифицировать преступления против конституционных прав, в зависимости от объекта посягательства на личные, политические, трудовые и иные права человека, т.к. в этом случае рассматриваются различные группы общественных отношений внутривидового объекта.

Согласно предложенной классификации, А. Н. Красиков выделяет три группы: в первую он предлагает включить преступления, посягающие на гражданские права и свободы, предусмотренные ст.ст. 136–140, 148 УК РФ. Во вторую группу — преступления, посягающие на политические права и свободы человека, предусмотренные ст.ст. 141–142.1, 144, 149 УК РФ. В третью группу войдут преступления, посягающие на трудовые и иные права и свободы человека и гражданина, предусмотренные ст.ст. 143, 145, 145.1, 146, 147 УК РФ².

Опираясь на групповой объект посягательства, Л. Г. Мачковский полагает, что все преступления, предусмотренные главой 19 УК РФ, следует разделить на следующие виды: 1) преступления против принципа равноправия (ст. 136 УК РФ); 2) преступления против лич-

¹ См.: Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации. М., 2002. С. 166. Аналогично С. В. Тасаков, подразделяя права человека, охраняемые главой 19 УК РФ по сферам жизнедеятельности на личные (гражданские), политические и социально-экономические (социальные), отмечает, что эта классификация является условной, поскольку отдельные права по своему характеру могут быть отнесены к двум или более классификационным группам. См.: Тасаков С. В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 39.

² Красиков А. Н. Указ. соч. С. 29.

ных (гражданских) прав (ст.ст. 137, 138, 139, 140, 144, 148 УК РФ); 3) преступления против политических прав (ст.ст. 141, 141.1, 142, 142.1, 149 УК РФ); 4) преступления против социально-экономических прав (ст.ст. 143, 145, 145.1, 146, 147 УК РФ)¹.

Авторы учебника по Особенной части Уголовного права указанные деяния, в зависимости от их характера и содержания, предлагают разделить на три группы: 1) преступления против принципа равноправия и политических прав граждан: ст.ст. 136, 141–142.2 УК РФ; 2) преступления против личных прав и свобод граждан: ст.ст. 137–140, 148, 149 УК РФ; 3) преступления против трудовых прав граждан: ст.ст. 143–147 УК РФ².

А. Е. Якубов предлагает несколько иную классификацию: 1) преступления против личных прав (ст.ст. 137, 138, 139, 140, 148 УК РФ); 2) преступления против политических прав (ст.ст. 136, 141, 142, 149 УК РФ); 4) преступления против социально-экономических прав (ст.ст. 143, 144, 145, 146, 147 УК РФ)³. Аналогичного мнения придерживается А. В. Серебренникова⁴.

Таким образом, можно констатировать, что единого подхода к классификации уголовно-правовых норм гл. 19 УК РФ на сегодняшний день выработать не удалось. На наш взгляд, все приведенные мнения обладают определенной долей погрешности. Как следует из вышеизложенного выделяются нормы, групповая принадлежность которых никем не оспаривается, и нормы, в отношении которых, напротив, наблюдается плюрализм, по вопросу их расположения в группах. Так высказываются предложения о выделении ст. 136 УК РФ из преступлений против личных прав в самостоятельную группу⁵. Некоторые специалисты относят ст. 140 УК РФ к числу посягательств против лич-

¹ Мачковский Л. Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 120.

² См.: Уголовное право России : учеб. для вузов : в 2 т. Т. 2. Особенная часть. / Под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 2000. С. 147.

³ Курс уголовного права. Т. 3. С. 287.

⁴ Серебренникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 10.

⁵ Мачковский Л. Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 120.

ных прав¹, другие же — к группе преступлений, направленных на политические права² и т. д. В подобных случаях думается, для того, чтобы установить правильно подгруппу, следует определять непосредственную область общественных отношений, в которой данное право максимально востребовано ее обладателями. Например, право на получение информации лицом, чьи интересы она затрагивает, можно встретить в политической сфере. Так, кандидат в депутаты систематически получает сведения о поступлении денежных средств на его избирательный счет. Однако, если проанализировать нормативные источники³, с которыми связана реализация гражданами данного права, получается, что в большинстве случаев такая необходимость чаще возникает при решении вопросов личного характера, а не в политическом поле деятельности. Например, при ознакомлении с материалами предварительного расследования, оперативной проверки, дисциплинарного производства, ревизии, медицинскими документами и т. д. Сказанное приводит к выводу, что данное право ближе стоит к личным правам и свободам, чем к политическим.

Точно также должен решаться вопрос и с принципом равноправия, который определяет равенство прав и свобод каждого человека, независимо от каких-либо обстоятельств (пола, расы, национальности и пр.), например, при поступлении в учебное заведение, увольнении с работы и т. д. Следовательно, данный принцип характеризует личный спектр правовых возможностей любого субъекта общественных отношений, и нет необходимости отделять его от иных личных составляющих правового статуса индивида. Видимо, те авторы, которые выделяют принцип равноправия в отдельную группу, считают, что он заслуживает особого положения, и хотят подчеркнуть его значимость среди других составляющих правового статуса индивида. Однако мы, определяя данный принцип в группу «личные права», ничуть не умаляем его

¹ Серебренникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М, 2008. С. 10.

² Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. А. И. Рагога. С. 106.

³ См.: Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СЗ РФ. 2006. 31 июля. № 31 (часть I). Ст. 3448; Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 05.07.1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22.7.1993 № 5487-1 // Российские вести. 1993. 9 сент. № 174; УПК РФ, ГПК РФ, КоАП РФ и др.

важного значения для правообладателя и лишь хотим включить в единый неразрывный комплекс правовых возможностей, гарантированных Конституцией Российской Федерации и близких друг к другу по сфере применения.

Дискуссия касается и преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ. В одном случае, его рассматривают как посягательство на трудовые права¹ или социально-экономические², в другом — как преступление, направленное против политических прав³. Сторонники первой позиции, видимо обосновывают свой подход тем, что ст. 144 УК РФ, хотя и посягает на закрепленную в ст. 29 Конституции Российской Федерации свободу массовой информации, однако его можно отнести к данной группе, поскольку в нем речь идет о воспрепятствовании профессиональной деятельности журналистов, при выполнении последними своих служебных, трудовых обязанностей. Вместе с тем, на наш взгляд, данным преступлением под угрозу ставится не право на труд, что, в соответствии с положениями, предусмотренными ст. 37 Конституции Российской Федерации, в первую очередь, предполагает право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а гарантированная Конституцией Российской Федерации свобода массовой информации. С учетом того, что объектом цензуры чаще становится информация о процессах, происходящих в общественной и политической жизни страны, внешней политике, просчетах, допущенных руководством государства или отдельного региона, принимаемых непопулярных реформах, массовых акциях протеста и тому подобных социальных явлениях, в связи с чем, более убедительна вторая позиция, включающая ст. 144 УК РФ в группу преступлений против политических прав и свобод человека.

Рассмотрев спорные моменты по группировке уголовно наказуемых деяний, имеет смысл остановиться на вопросе формулировки заглавий указанных подгрупп. Как было отмечено, большинство специалистов

¹ См.: Уголовное право России : в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под. ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 2000. С. 147; Кузнецова Н. Ф., Аргунова Ю. Н. Об эффективности уголовно-правовой охраны трудовых прав граждан // Государство и право. 1996. № 10 С. 65; Российское уголовное право: Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева А. В. Наумова. М., 1997. С. 106.

² Серебrenникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 10.

³ См.: Иванов, В. Д. Уголовное право. Особенная часть / В. Д. Иванов. Ростов-н/Д., 2002. С. 75.

в области уголовного права остановились на следующей классификации преступлений, предусмотренных главой 19 УК РФ: 1) против личных (гражданских) прав, 2) против политических прав, 3) против трудовых прав (социально-экономических).

Представляется, что предложенные формулировки, а именно: преступления против личных (гражданских), трудовых прав, как равно и социально-экономических, в нашем случае не являются безупречными для уголовного права с точки зрения толкования охранительных функций, включенных в каждую из них уголовно-правовых норм. Попробуем разобраться в обозначенной проблеме. На наш взгляд, использование формулировки «личные (гражданские) права» объясняется тем, что указанное название подраздела было заимствовано напрямую из конституционного права. Однако, если применительно к Конституции Российской Федерации, где перечисленные права носят полный перечень, предложенное название полностью отражает суть включенных в группу прав, то уголовный закон в гл. 19 охраняет только часть из них, наряду с нормами, расположенными в других разделах и главах. Так, Т. Н. Нуркаева к числу личных (гражданских) прав относит: право на жизнь и здоровье, право на достоинство личности, на честь и доброе имя; право на свободу и личную неприкосновенность и др.¹ С таким подходом никто не будет спорить, что указанные права — это тоже личные права каждого человека. Тогда возникает вопрос, а насколько правомерно называть подобным образом объединенные в группу нормы, охраняемые одной гл. 19 УК РФ, если она не претендует охватить своим действием все личные права, охраняемые УК РФ.

Сложность этого вопроса заключается в том, что нам не удалось, ни встретить в литературе, ни подобрать какой-либо другой правовой термин, который смог бы с точностью охарактеризовать включенную в главу 19 УК РФ группу преступлений против ограниченного круга личных прав, гарантированных Конституцией Российской Федерации. Видимо, этот вопрос еще долго будет предметом дискуссии специалистов российской уголовно-правовой науки. Вместе с тем, нельзя согласиться с теми учеными, которые указанную подгруппу называют: «Преступления против гражданских прав и свобод». Дело в том, что гражданские права принадлежат только гражданам государства, и они значительно уже по своему объему личных прав и свобод, принадлежа-

¹ Нуркаева Т. Н. Уголовно-правовая охрана личных (гражданских) прав и свобод человека (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 8.

щих любому человеку¹. В то время, как гл. 19 УК РФ в равной мере охраняет наряду с правами граждан Российской Федерации, также права и иных лиц (иностранных граждан и лиц без гражданства). Сказанное напрямую касается, например, ст. 136 УК РФ.

Требует корректировки и используемая уголовным правом формулировка — «Преступления против трудовых прав». Дело в том, что в указанную группу включается ст. 145.1 УК РФ, и если с невыплатой заработной платы все ясно, — это, безусловно, посягательство на трудовые права, то невыплата пенсий, стипендий, пособий и ряда иных выплат к трудовым отношениям не относится, т. к. потерпевшие не являются работниками учреждений, которые производят им выплату денежных средств (напр., пенсионеры, студенты, неработающие женщины, получающие пособие на новорожденных и пр.). Следовательно, название подгруппы не отражает в полной мере объем интересов, охраняемых указанной нормой.

В конституционном праве трудовые права включены в более широкий подраздел — «Социально-экономические права». Ряд специалистов использует именно такое название в уголовном праве². На наш взгляд, выделять группу с таким названием в гл. 19 УК РФ представляется неверным, поскольку многочисленные нормы уголовного закона, объектом которых являются экономические права, расположены в разд. 8 УК РФ «Преступления в сфере экономики». Подобное название не соответствовало бы охраняемым правам, включенным в указанную подгруппу, делало бы его существенно шире реального объекта уголовно-правовой охраны.

Решение данного спорного вопроса, думается, состоит в изменении названия группы: «преступления против трудовых прав» на «преступления против социальных прав». А. Х. Саидов обоснованно пишет: «Социальная политика государства заключается в том, чтобы создать условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие человека. Это охрана труда, установление размера заработной платы, обеспечивающего прожиточный минимум, поддержка наименее защищенных в социальном плане слоев населения, семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан (сказанное имеет

¹ Краткий политический словарь. М., 2002. С. 356.

² См., напр.: Курс уголовного права. Т. 3. С. 343; Серебренникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 10.

прямое отношение и к ст. 145 УК РФ). Именно в сфере социального обеспечения Конституция Российской Федерации предусматривает развитие системы специальных служб, установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты»¹. Кроме этого, высказанная позиция подтверждается тем обстоятельством, что государственное управление в области социального обеспечения и регулирование трудовых отношений осуществляется одним государственным институтом — Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации. Итак, можно сделать вывод, что правонарушитель при совершении указанных деяний посягает на более широкий круг социальных прав, с которыми трудовые права соотносятся как часть и целое.

Не менее спорным моментом является присоединение преступлений, предусмотренных ст.ст. 146 и 147 УК РФ большинством правоведов к группе общественно опасных деяний против трудовых прав², равно как и к преступлениям против социально-экономических прав³, поскольку указанные деяния ровным счетом к ним никакого отношения не имеют. Например, о каких трудовых и даже социально-экономических отношениях может идти речь, в случае написания лицом книги, стихов, диссертации и пр. произведений? Как видим, уголовный закон, в свою очередь, охраняет не только имущественные права авторов и изобретателей, но и их личные неимущественные права. Авторское право распространяется на отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства. Смежные с авторскими права распространяются на права исполнителей, производителей, организаций эфирного вещания, организаций кабельного вещания. Наряду с авторскими и смежными правами, законодательство охраняет и права на объекты промышленной собственности: изобретение, полезную модель, промышленный образец. Тем более, использование формулировки «экономические права», как нами обосновывалось выше, в названии гл. 19 УК РФ представляется в корне не верно.

¹ Саидов А. Х. Общепризнанные права человека. М., 2004. С. 124.

² Уголовное право России : учеб. для вузов : в 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 2000. С. 147.

³ См, напр.: Мачковский Л. Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 120; Серебренникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М, 2008. С. 10.

Единственно правильным выходом является выделение указанных деяний в самостоятельную группу преступлений. Однако опять возникает вопрос, как ее озаглавить. Можно предложить следующий вариант: «Преступления против авторских, смежных, изобретательских и патентных прав», согласно названия включаемых в нее статей. Однако подобная формулировка слишком длинная, тем более, если ее впоследствии включить в название главы 19 УК РФ.

Учитывая, что диспозиции ст.ст. 146 и 147 УК РФ имеют бланкетный характер, предлагаем для решения поставленной задачи обратиться к соответствующей области права, регулирующей сферу указанных отношений. Например, в ст. 44 Конституции Российской Федерации в этом смысле использует словосочетание: «интеллектуальная собственность», понятие которой дается в ст. 138 ГК РФ. Тем не менее, среди цивилистов встречаются утверждения о том, что выделение такой категории, как «интеллектуальная собственность» неудачно, поскольку оно влечет смешение с правом собственности на материальные объекты, которое имеет совершенно другое юридическое содержание¹. Поэтому права на результаты творческой деятельности предлагается объединить одним термином — «интеллектуальные права», который будет охватывать все виды прав на результаты интеллектуальной деятельности². Представляется, что данный термин и следует использовать для характеристики объекта указанных преступлений. Следовательно, и данную подгруппу можно озаглавить так: «Преступления против интеллектуальных прав».

Таким образом, преступления, включенные в гл. 19 УК РФ, следует разделить на следующие группы: 1) преступления против личных прав и свобод (ст.ст. 136–140, 148 УК РФ); 2) преступления против политических прав и свобод (ст.ст. 141–142.1, 144, 149 УК РФ); 3) преступления против социальных прав и свобод (ст.ст. 143, 145, 145.1 УК РФ); 4) преступления против интеллектуальных прав (ст.ст. 146, 147 УК РФ).

Однако проведенной работы по вычленению внутренней группировки норм главы 19 УК РФ не достаточно, чтобы высказать предложения по ее названию. Для этого необходимо ответить на вопросы, обсуждае-

¹ См.: Дозорцев В. А. Понятие исключительного права // Юридический мир. 2000. № 3; Защита авторских и смежных прав по законодательству России / под ред. И. В. Савельевой. М., 2002. С. 48 др.

² Дозорцев В. А. Творческий результат: система правообладателей // Вестник ВАС РФ. 2002. № 11. С. 89.

мые на страницах научных изданий, насколько обоснованы в заголовке словосочетания: «права и свободы», «...человека и гражданина».

В общепризнанном понимании права и свободы человека составляют центральный институт конституционного права, который содержит нормы, определяющие взаимоотношения государства и личности, ее правовой статус. Д. Воеводин усматривает в них и сходства, и различия. Сходство он определяет через правовую возможность. Что касается различий, то права свидетельствуют о возможности получения каких-либо социальных благ, а свободы — о возможности избежать определенных ограничений со стороны государства¹. С ним соглашаются А. Н. Головистикова и Л. Ю. Грудцина, добавляя, что разграничение понятий «права» и «свободы» имеет практический смысл. Если государство в Конституции Российской Федерации закрепило право, значит, оно берет на себя ответственность за его обеспечение. В случае предоставления субъектам свободы, государство берет на себя функции контроля, чтобы эту свободу индивид не мог использовать во вред другим лицам и самому государству².

Другие исследователи полагают, что и права и свободы — категории однопорядковые, различающиеся лишь определенным смысловым акцентом, а их юридическая природа и система гарантий идентична. Говоря иными словами, эти понятия тождественны, термин «свобода» призван лишь подчеркнуть более широкие возможности индивидуального выбора³. Так, «свобода» означает возможность индивидуального выбора, не обрисовывая конкретного его результата — «свобода совести», «свобода мысли и слова». В то время, как термин «права» определяет конкретные действия человека «право выбирать место жительства», «право создавать профессиональные союзы» и т. д.

С. А. Авакьян соглашается с таким подходом, что границы между ними подвижны, порой условны. Но в понятийном плане дает им следующую

¹ Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособ. М., 1997. С. 133.

² Головистикова А. Н., Грудцина Л. Ю. Права человека. М., 2006. С. 49.

³ См., напр.: Баглай М. В. Конституционное право РФ. М., 2001. С. 159; Лукашева Е. А. Общая теория прав человека. М., 1996. С. 31; Патюлин В. А. Государство и личность в СССР (Правовые аспекты взаимоотношений). М., 1974. С. 151; Лебедев А. В. Политические права и свободы граждан РФ (конституционно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 30; Тасаков С. В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 39. и др.

щую характеристику: право человека — юридически более формализованная категория, т. е. варианты использования права, обозначаются в нормативном акте, нередко исчерпывающим образом. Свобода — понятие более широкое, может иметь много вариантов осуществления: одни можно отразить в нормах права, в отношении других зачастую это просто немыслимо сделать¹. По мнению Л. Д. Мачковского, следует, что границы понятий «права» и «свободы» размыты. Использование формулы «права и свободы» вместо термина «права» вряд ли добавляет что-то содержательное при применении соответствующих уголовно-правовых норм, подобное понимание рассматриваемого вопроса позволяет автору предложить заглавие рассматриваемой главы, в собственной редакции исключив из него слово «свобод»². Е. Н. Рахманова раскрывая данный вопрос, отмечает, что в международном гуманитарном и в конституционном праве права человека анализируются в тесной взаимосвязи со свободами человека, а словосочетание «права и свободы» является устойчивой научной и правовой категорией. В тоже время, осознавая объективно существующие отличия между правами и свободами, она так же считаем возможным в своей работе, использовать термин «права человека» в качестве обобщающего, поскольку различия прав и свобод в криминологическом отношении, по ее мнению, являются малосущественными³.

Обратим внимание, что в целом ряде международных и российских правовых актов употребляется выражение «право на свободу» (мысли, слова, религии), т. е. иными словами «свобода», вытекает из «права» и гарантируется им. Например, согласно ст. 30 Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на объединения.... Свобода деятельности объединений гарантируется». Статья 1 Декларации о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы, гласит: «Каждый имеет право... осуществлять права и основные свободы на национальном и международном уровнях»⁴.

¹ Авакян С. А. Конституционное право России. Т. 1. М., 2005. С. 572.

² Мачковский Л. Об объекте преступлений, предусмотренных в главе 19 УК РФ. С. 54.

³ Рахманова Е. Н. Защита прав человека от преступности в условиях глобализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2010. С. 3.

⁴ Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы. Принята резолюцией 53/144 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1998 г. // Права человека. Сборник документов. М., 2001. С. 38.

Основываясь на вышеизложенном, представляется, что выражение «права и свободы» носит декларативный характер. Однако для конституционного права данная формулировка является традиционной, поэтому она используется при характеристике правового статуса индивида в Конституции Российской Федерации. Можно допустить, что с правом чаще связывают юридически фиксируемые правомочия, а со свободой — некую абстракцию вариантов поведения, в отношении которых имеются лишь общие правовые гарантии. Кроме этого, в некоторых случаях, на наш взгляд, более логично и стилистически правильно употребление слова «свобода», а не «право». Например, свобода слова, свобода массовой информации, свобода вероисповедания и т.д. В связи с этим, считаем целесообразным оставить указанное словосочетание в действующей редакции в заглавии главы 19 УК РФ.

Аналогичный вопрос встает и со словосочетанием «...человека и гражданина». Как нам кажется, ответ на него надо искать в самой Конституции Российской Федерации, в ч. 3 ст. 62 которой закреплено положение, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации¹. Стало быть, в уголовно-правовой терминологии следует исключить слово «гражданина» из заголовка гл. 19 УК РФ, поскольку речь идет о защите интересов всех лиц, в том числе иностранцев и апатридов. Например, уголовная ответственность будет наступать, независимо от гражданской принадлежности работника организации при причинении ему тяжкого вреда здоровью, вследствие нарушения правил охраны труда². В тех же случаях, когда потерпевшим может быть исключительно гражданин России, то этот фактор будет установлен при исследовании правовых предписаний ввиду бланкетности диспозиции анализируемых норм. Например, влечь уголовную ответствен-

¹ Аналогичное положение закреплено в ст. 4 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», указано, что иностранные граждане пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом // СЗ РФ. 2002. 29 июля. № 30. Ст. 3032.

² Вопросы правового статуса иностранного гражданина как субъекта преступления и как потерпевшего в литературе не раз становились предметом пристального внимания. См., напр.: Чучаев А. И., Крупцов А. А. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина. Понятие и характеристика. М., 2010.

ность может воспрепятствование гражданам Российской Федерации в реализации права тайного голосования, т.к. избирательные права предоставлены, только последним.

С учетом изложенного, предлагаем гл. 19 УК РФ озаглавить: «Преступления против личных, политических, социальных и интеллектуальных прав и свобод человека». На наш взгляд, именно такая формулировка позволит наиболее точно охватить те общественные отношения, которые составляют ее видовой объект.

Таким образом, предлагаемые нами новые формулировки заглавий раздела и главы, в которых расположены исследуемая группа преступлений, позволяют скорректировать родовый и видовой объекты последних. Так, родовым объектом следует признавать общественные отношения, охраняющие человека и его правовой статус, в свою очередь, видовым объектом следует признавать общественные отношения, в области охраны личных, политических, социальных и интеллектуальных прав и свобод человека.

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под видовым объектом преступления?
2. Какие группы общественных отношений входят в видовой объект преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина?
3. Какие существуют научные точки зрения по определению видового объекта преступлений данной группы?

Глава 2

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ, ПРЕДМЕТ И ПОТЕРПЕВШИЙ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Важное теоретическое и практическое значение, наряду с установлением родового и видового объекта преступления, имеет определение непосредственного объекта преступления¹. Как и при определении двух вышеназванных объектов преступлений против конституционных прав и свобод человека в теории уголовного права нет однозначного мнения относительно непосредственных объектов преступлений указанной группы, поэтому целесообразным будет провести исследование этого вопроса, в процессе которого рассмотреть различные точки зрения ученых и сформулировать свое видение объекта анализируемых деяний. Однако анализ непосредственных объектов преступлений, предусмотренных гл. 19 УК РФ, будет неполным, если вместе с ним не выделить такой факультативный элемент как предмет. При определении предмета преступления в данной работе мы будем исходить из того, что под ним понимаются предметы материального мира, воздействуя на которые преступник посягает на непосредственный объект. Это могут быть вещи, предметы, ценности, имеющие материализованную оболочку и доступные для восприятия извне, для измерения и фиксации, т.е. всегда какая-либо материальная субстанция. По мнению Н. И. Коржанского, в преступлениях, направленных непосредственно против личности, признак «предмет преступления» может подразумевать человека², однако, в силу этических соображений лицо, пострадавшее от преступления, признается потерпевшим.

Многие нормы уголовного права предусматривают обязательные признаки предмета и потерпевшего, которые напрямую влияют на квалификацию уголовно наказуемых деяний, разграничение смежных составов преступлений и т.п. Например, ст. 138.1 УК РФ в каче-

¹ Правила установления непосредственного объекта см.: Сабитов Р. А. Квалификация уголовно-правовых деяний. Челябинск, 1998. С. 22.

² Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 125.

стве предмета рассматривает специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации, в ст. 144 УК РФ потерпевшим назван журналист и т. д.

Учитывая сказанное, предпримем попытку в решении проблемы обозначенной в названии параграфа с учетом предложенной нами классификации норм главы 19 УК РФ по признакам подвидового объекта.

2.1 Непосредственный объект, предмет и потерпевший в преступлениях против личных прав и свобод человека и гражданина

В литературе по поводу объекта преступления, предусмотренного ст. 136 УК РФ, посягающего на гарантируемое ст. 19 Конституции Российской Федерации равенство прав и свобод человека, можно встретить различные высказывания. Например, И. М. Тяжкова определяет данный объект предельно просто, как равноправие граждан¹. С ней соглашается В. Д. Иванов, добавляя, что такое равноправие устанавливается Конституцией Российской Федерации². По мнению М. А. Нагорной, последним является конституционный принцип равноправия всех граждан перед законом и судом³.

А. В. Кладков полагает, что объектом преступления, предусмотренного ст. 136 УК РФ, является установленное ст. 19 Конституции Российской Федерации равенство прав человека и гражданина, независимо от пола, расы... и других обстоятельств. Наряду с основным А. В. Кладков выделяет также дополнительный, факультативный объекты и предмет этого преступления. Так, в зависимости от способа нарушения равноправия факультативным объектом, например, при нарушении равноправия с применением насилия или угрозой его применения может быть здоровье, телесная неприкосновенность человека, его свобода. Поскольку в настоящее время, обязательным признаком преступления является использование лицом своего служебного положения, то дополнительным объектом является законная деятельность предприятия, учреждения, организации независимо от форм собственности, где работает виновный, использующий для совершения указан-

¹ Курс уголовного права. Указ. соч. С. 297.

² Иванов В. Д. Уголовное право. Особенная часть. С. 80.

³ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. А. А. Чекалин. М. 2002. С. 337.

ного преступления свое служебное положение. Предмет преступления, по мнению А. В. Кладкова, тоже факультативен, им может быть вещь, документ и др., например, если уничтожено водительское удостоверение женщины, которой, по мнению виновного, не положено управлять транспортным средством¹.

Думается, что если в приведенной точке зрения можно согласиться с позицией по факультативному объекту, т.к. он выведен за рамки состава преступления, и, следовательно, может быть, а может и отсутствовать в конкретном деянии. Аналогичная ситуация с 2011 года наблюдается и по дополнительному объекту, поскольку «использование служебного положения» законодатель перевел из ч. 2 ст. 136 УК РФ в основной состав преступления. Соответственно, общественные отношения, охраняемые данным признаком, теперь указаны в диспозиции наряду с основным объектом, которым (как например, при разбое, когда виновный одновременно посягает и на собственность, и на жизнь или здоровье потерпевшего) всегда преступлением причиняется вред, значит, они могут рассматриваться в качестве дополнительного объекта.

С учетом подхода, при котором объектом признается «общественное отношение», Л. Г. Мачковский в качестве последнего называет общественные отношения, обеспечивающие практическую реализацию конституционного принципа равенства прав в жизни и деятельности людей². Хотя в последствии в своей работе Л. Г. Мачковским предлагается дополнить диспозицию ст. 136 УК РФ словами «и других обстоятельств».

Вместе с тем, во всех приведенных авторских дефинициях рассматриваемого объекта, не до конца отражается исследуемый аспект, поскольку диспозиция ст. 136 УК РФ охраняет данное право не целиком, а только в части, перечисленных в ней дискриминационных признаков. Следовательно, на наш взгляд, неверно объект конкретного состава преступления выводить за границы тех общественных отношений, которые фактически поставлены под его охрану. Мы предлагаем его определять, как отношения в сфере равноправия по обеспечению прав, свобод и законных интересов человека в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений,

¹ Уголовное право России. Особенная часть / под. ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996. С. 162.

² Мачковский Л. Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 148.

принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам.

В вопросах определения потерпевших по данной статье дискуссий среди правоведов не наблюдается, и к последним относят как граждан России, так иностранных граждан и лиц без гражданства.

В уголовном праве зарубежных стран к определению круга общественных отношений, охраняемых смежными нормами, направленными на недопущение нарушения принципа равноправия, в целом применяется подход, тождественный российскому (см., напр., УК Республики Молдова, Литовской Республики, Республики Казахстан, Республики Беларусь, Украины и др.). В то же время можно встретить и иные варианты. Например, по УК Латвийской Республики последним выступает принцип равноправия в зависимости от религиозной принадлежности. В уголовном законодательстве Франции, напротив, заявлен более широкий круг социальных связей, направленных на недопущение дискриминации не только физических лиц, но и организаций.

Кратко остановимся на анализе самого блага (принципа равенства). По общему признанию принцип равноправия является важнейшей частью как национальных, так и международно-правовой систем. Как базовая ценность он заложен в большинстве современных конституций, в том числе в Конституции Российской Федерации¹. По справедливому мнению Н. С. Бондаря, проникновение принципа равноправия в систему прав и свобод прослеживается в содержании практически всех статей гл. 2 Конституции Российской Федерации, например, формулировки: «равным образом» (ст. 8), «равны перед законом» (ч. 4 ст. 13, ч. 2 ст. 14), «равные возможности» (ст. 20), «равный доступ» (ч. 4 ст. ст. 32), «наравне» (ч. 3 ст. 62) и др. свидетельствуют о равном правовом статусе человека в Российской Федерации².

Кроме самой Конституции РФ данный принцип о недопущении каких-либо ограничений прав и свобод человека нашел закрепление во многих нормативно-правовых актах, например, в ст. 4 УК РФ, ст. 3 ТК РФ³, утвержденном Президентом Российской Федерации Указе от

¹ Еременко О. В. Реализация конституционного принципа равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин в сфере трудовых правоотношений: некоторые аспекты проблемы // Проблемы реализации конституционно-правовых норм. Челябинск, 2004. С. 24.

² Бондарь Н. С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе. Ростов н/Д., 1996. С. 20.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть I).

10.01.2000 № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации»¹ и др.

В действующем российском законодательстве правовое равенство выступает в виде принципа, имеющего универсальный, общеправовой характер², имеется ввиду, что субъекты обладают одинаковым набором, с одной стороны, прав и свобод, а с другой, обязанностей и ответственности. При этом юридическое равенство выступает, как один из аспектов социального равенства, наряду с экономическим, культурным, политическим и др. Но оно совмещается с фактическим неравенством людей³, что связано с их психофизиологическими особенностями, материальным положением, уровнем жизни, социальными условиями и иными факторами⁴. Как, например, малоимущий обвиняемый не сможет внести залог, для изменения ему меры пресечения.

Согласно ст. 19 Конституции Российской Федерации, не допускаются какие-либо ограничения прав человека по указанным в статье основаниям. Нормы, запрещающие дискриминацию в различных интерпретациях, содержатся в Конституциях большинства стран. Определенный интерес вызывают и методы работы, направленные на предупреждение и борьбу с дискриминацией⁵. В противных случаях гражданам приходится отстаивать свои права и свободы в административных и судебных инстанциях. К примеру, довольно богатая практика по рассмотрению таких дел накопилась в Конституционном Суде Российской Федерации⁶. Исключения из данного правила допускаются

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. 52. Ст. 5909.

² Бондарь Н. С., Капанова Ю. В. Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации. Ростов н/Д. : РостГУ, 2002. С. 39.

³ О соотношении формально-правового равенства и фактического неравенства подробнее см.: Нерсесян В. С. Правовой принцип формального равенства // Государство и право. М., 2011. № 2. С. 91–97.

⁴ Головистикова, А. Н. Указ. соч. С. 90.

⁵ Куинн Ф. Права человека и Ты. Основные документы ООН, документы ОБСЕ и документы Совета Европы о правах человека. Варшава, 1999. С. 9.

⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.1997 «По делу о проверке конституционности положений статей 74 (часть первая) и 90 Конституции Республики Хакасия» // Вестник КС РФ. 1997. № 5. С. 11–15; Постановление Конституционного Суда РФ от 22.01.2002 № 2-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 69, ч. 2 ст. 70 и ст. 90 Конституции Республики Татарстан, а также п. 2 ст. 4 и п. 8 ст. 21 Закона Республики Татарстан „О выборах народных депутатов Республики Татарстан” в связи с жалобой гражданина М. М. Салямова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2002. № 3.

только в случаях, предусмотренных самой Конституцией или федеральным законодательством. Например, ст. 32 Конституции Российской Федерации ограничивает права избирать и быть избранными недееспособных граждан.

Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, закрепленное в ст. 23 Конституции Российской Федерации, включено в объект ст. 137 УК РФ. Об особой значимости данного конституционного положения свидетельствует, к примеру, тот факт, что в Перечень сведений конфиденциального характера начинается с указания на информацию о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина¹.

При определении объекта преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, в науке выработать единого мнения не удалось, поэтому в литературе нам встретились различные подходы в его понимании. Например, в учебнике по Особенной части уголовного права непосредственным объектом этого преступления называется предусмотренное ст. 23 Конституции Российской Федерации право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну². А. Н. Красиков к непосредственному объекту преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, относит право человека на неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность сферы частной жизни и личных отношений³. С ним соглашается И. Р. Диваева, которая предлагает под данным объектом рассматривать — право человека на неприкосновенность частной жизни⁴, в широком смысле, не сужая конституционное положение до круга личной и семейной тайны.

Вместе с тем, на наш взгляд, правильным представляется при определении рассматриваемого объекта исходить из непосредственной сферы применения диспозиции ст. 137 УК РФ, т.к. последняя предназначена для охраны исключительно личной и семейной тайны. Следовательно, в действующей редакции уголовного закона объектом рассматриваемого преступления выступают общественные отношения не в области комплексной реализации права на неприкосновенность личной жизни, а только по охране личной и семейной тайны.

¹ Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» // СЗ РФ. 1997. 10 марта. № 10. Ст. 1127.

² Уголовное право России. Особенная часть / под. ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996. С. 105.

³ Красиков А. Н. Указ. соч. С. 40.

⁴ Диваева И. Р. Указ. соч. С. 58.

Аналогичный подход в определении объекта рассматриваемого деяния традиционно встречается в уголовном праве стран СНГ (Республики Армения, Азербайджанской Республики, Кыргызской Республики, Республики Казахстан и др.). Однако особенностью зарубежного уголовного права является то, что указанные общественные отношения в качестве объекта уголовно-правовой охраны рассматриваются далеко не всеми законодателями, например, он не выделяется в УК Аргентины, Эстонской Республики, Польши, Болгарии, Дании, Австралии и др. Встречается и такой вариант (напр., в уголовном праве Германии, Японии), при котором уголовная ответственность предусмотрена за нарушение неприкосновенности частной жизни в строго обусловленных сферах.

Для выяснения объекта уголовно-правовой охраны необходимо раскрыть содержание таких понятий, как неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна. В литературе можно встретить различные точки зрения по поводу частной жизни¹. На наш взгляд, наибольшего успеха в ее определении добилась Е. Е. Калашникова², рассматривающая данное понятие, как социальное явление, которое, по ее мнению, состоит из шести сфер: 1) внутренняя духовная сфера (мировоззрение человека, политические взгляды, убеждения и т. д.); 2) сфера межличностного общения (родственные связи, личные контакты, отношения интимного характера и др.); 3) организационная составляющая (место работы, место жительства, контактная информация, членство в общественных объединениях и т. п.); 4) медико-физиологическая сфера (физические и психологические особенности, наличие различных заболеваний и пр.); 5) сфера поведения (особенности поведения и привычки лица, совершенные ранее поступки и т. п.); 6) имущественная сфера (наличие имущества, источники дохода и пр.). Такая класси-

¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1975. С. 373; Баглай М. В. Конституционное право РФ. М., 1998. С. 181; Макеев Н. Н. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 41; Волошкина Н. Н. Обеспечение конституционного права на неприкосновенность частной жизни при производстве предварительного следствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 7; Замошкин Ю. А. Частная жизнь, частный интерес, частная собственность // Вопросы философии. 1991. С. 5; Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л. А. Окунькова. М., 2002. С. 162; Петросян М. Что такое неприкосновенность частной жизни // Правозащитник. № 1. М., 1995. С. 49; Куприна Е. Тайна. Обзор нормативных актов // Закон. 1998. № 4. С. 83 и др.

² Калашникова Е. Е. Уголовно-правовое обеспечение информации о частной жизни : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 20.

фикация различных аспектов частной жизни позволяет наиболее полно раскрыть все ее составляющие, как целостного социально-правового комплекса.

Тайной являются данные, относительно которых владелец предпринимает меры к тому, чтобы они не стали известны третьим лицам, т.е. раскрытие подобной информации нежелательно для ее обладателя¹ (напр., тайна усыновления, врачебного диагноза, завещания, банковского вклада, дневниковых записей и пр.)². А. А. Рожнов выделяет следующие признаки, присущие тайне: 1) тайна представляет собой один из видов информации о лицах, предметах, явлениях и процессах; 2) соответствующая информация неизвестна посторонним лицам, что является ключевым условием обеспечения ее действительной или потенциальной ценности для собственника сведений³; 3) к соответствующей информации нет свободного доступа⁴.

Охране этого важного Конституционного института прямо посвящены положения ряда нормативных актов. Например, к ним относятся УК РФ, УПК РФ, Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁵; Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»⁶; Федеральный закон от 05.07.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁷ и др.

По мнению авторов комментария Конституции Российской Федерации, право на неприкосновенность личной жизни может подвергаться строго определенным ограничениям в отношении: 1) несо-

¹ Под тайной в Толковом словаре русского языка понимается «нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет». См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. С. 776.

² Права человека / род. ред. Е. А. Лукашевой. М., 2001. С. 146.

³ Не может рассматриваться как тайна и соответственно не подлежит защите информация, которую ее собственник, осознавая характер совершаемых действий и предвидя их последствия, сделал достоянием посторонних лиц. См.: Научно-практический комментарий к главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» / под. ред. К. А. Экштанна. М., 2000. С. 131.

⁴ Рожнов А. А. Профессиональная тайна в уголовном праве России. История и современность. Ульяновск, 2002. С. 8.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации 2006. 31 июля. № 31 (часть I) ст. 3448.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. 31 июля. № 31 (часть I) ст. 3451.

⁷ Собрание Законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

вершеннолетних; 2) лиц, содержащихся под стражей, отбывающих наказание в местах лишения свободы; 3) лиц с психическими отклонениями; 4) лиц, страдающих тяжкими инфекционными заболеваниями (напр., открытой формой туберкулеза и др.)¹. Так, А. В. Каленых, характеризуя обстоятельства, исключающие преступность деяния медицинских работников, отмечает, что действия последних не являются противоправными, если они совершаются в интересах больного и с его согласия (согласия его представителей), либо при наличии патологического состояния угрожали жизни и здоровью пациента или окружающих его лиц², думается, что названные обстоятельства вполне применимы к рассматриваемой области правоотношений. Также, по нашему мнению, не подлежат правовой охране сведения, составляющие личную или семейную тайну, касающиеся невыявленных правонарушений. Иначе сложилась бы парадоксальная ситуация, когда лицо, сообщившее в правоохранительные органы о совершенном преступлении, привлекали к ответственности за разглашение личной тайны другого лица. Однако в тех случаях, когда лицо незаконно собирало информацию о личной жизни другого человека и в ходе этого выявило факт причастности последнего к правонарушению, о чем сообщило в полицию, оно будет нести ответственность по ст. 137 УК РФ на общих основаниях.

Под правом на личную тайну понимается возможность индивида самостоятельно решать, кому и в каком объеме доверить определенную информацию³, и требовать от третьих лиц, обязанных в силу своей профессии, хранить тайну (напр., врачам, адвокатам, нотариусам, священникам)⁴. Личная тайна имеет отношение к конкретному человеку. При этом не исключается, что сведения личного характера могут храниться втайне и от близких людей (напр., наличие венерического заболевания, внебрачных детей, факты обращения за психиатрической помощью, лечение от наркомании или алкоголизма и т. п.). Например,

¹ Комментарий Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Ю. В. Кудрявцева. М., 1996. С. 104.

² Каленых А. В. Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее преступность деяния медицинских работников, в дореволюционной России // Философские и исторические основы уголовного права : мат-лы III Междунар. науч.-практич. конф. Екатеринбург, 2007. С. 142.

³ Подробнее о характере сообщаемых сведений см.: Авакьян С. А. Конституционное право России. Т. 1. М., 2005. С. 584.

⁴ Комментарий Конституции Российской Федерации / под ред. Б. Н. Топорнина. М., 1997. С. 202.

было возбуждено уголовное дело по ст. 137 УК РФ в связи с распространением копий медицинских документов потерпевшей, из которых следовало, что последняя находилась на излечении в психиатрическом диспансере¹.

Под правом на семейную тайну понимается право не просто нескольких лиц, а именно: членов семьи супругов, родственников, либо лиц, находящихся в свойстве², на сокрытие фактов (напр., о взаимоотношениях между собой, совершенных проступках, образе жизни, бытовых условиях, материальном состоянии и т.п.³), определяющих поведение ее членов⁴.

Некоторые исследователи, толкуя содержание диспозиции указанной нормы, делают вывод о том, что предметом преступления могут выступать любые сведения, информация о частной жизни, которые лицо желает сохранить втайне⁵. Однако такой подход не согласуется с разделяемой нами позицией, что предметом преступления являются исключительно материальные вещи окружающего мира, а не абстрактное благо (частный или общественный интерес), по поводу которого совершается преступление. Следовательно, предметом преступного воздействия могут быть признаны только материальные носители этой информации: фотографии, письма, компьютерные диски, кассеты с кино, аудио или видеозаписью, больничные карты, медицинские справки, процессуальные документы и пр. Интересны по этому поводу доводы психологов, что любая информация не может существовать без своего носителя, и в этом смысле таким материальным носителем выступает человек. Однако, как было отмечено выше, человека не принято рас-

¹ Мелкозерова О. Чужая тайна // Российская газета. 2005. 20 июля.

² Подробнее о понятии семьи в правовом смысле см.: Дежнев А. С. Семейная тайна как объект уголовно-процессуальной защиты // Российский юридический журнал. Екатеринбург, 2009. № 2. С. 159.

³ Уголовный закон в практике мирового судьи : научно-практич. пособ. / под ред. А. В. Галаховой. М., 2005. С. 198.

⁴ Подробнее вопросы квалификации по ст. 137 УК РФ, см., Пикуров Н. И. Проблемы квалификации преступных посягательств на частную жизнь: теория и судебная практика // Уголовное право. 2019. № 2. С. 51–58.

⁵ См., напр.: Уголовное право. Особенная часть : учеб. / под ред. В. Н. Петрашева. М., 1999. С. 108; Нуркаева Т. Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами. СПб., 2003. С. 197; Серебренникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М, 2008. С. 23 и др.

смагивать в качестве предмета преступления¹. В то же время, в случае устного распространения сведений, предмета преступления нет, поскольку нет материального носителя информации, поэтому можно сделать вывод, что предмет преступления ст. 137 УК РФ факультативен, т.е. в одних деяниях, посягающих на право неприкосновенности личной жизни, он может присутствовать, в других, нет.

Заслуживает внимания и вопрос о потерпевшем от этого преступления. По общему правилу им является физическое лицо, чье право на неприкосновенность частной жизни нарушено. Однако среди правоведов ведется дискуссия о том, можно ли признать потерпевшим, например, душевнобольного или ребенка², поскольку ни малолетний, ни человек, имеющий психические расстройства, самостоятельно зачастую не осознают личной или семейной тайны, следовательно, не могут устанавливать и контролировать доступ к ней посторонних. Так, родители часто фотографируют своих малышей голыми, а в дальнейшем демонстрируют эти фотографии другим лицам. Бесспорно, если бы подобные действия были совершены в отношении взрослого человека и без его согласия, то содеянное подпадало бы под признаки преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ.

Данная проблема нашла свое отражение в правовых актах, как международного, так и национального характера. Например, в Конвенции о правах ребенка указано, что ни один ребенок не может быть объектом произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь...³. Статья 6 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» закрепляет, что ребенку от рождения принадлежат и гаранти-

¹ Психология / под ред. А. А. Крылова. М., 1999. С. 32.

² Например, В. М. Баранов в качестве потерпевших рассматривает только нормально мыслящего психически здорового человека. См.: Баранов В. М. О законодательном определении категории «частная жизнь» (логико-гносеологические и юридико-психологические проблемы). Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни : сб. науч. трудов. Ч. 1 / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 1999. С. 35. Ему возражает И. Л. Петрухин, который считает, что потерпевшим по ст. 137 УК РФ является любой человек, в том числе полностью или ограниченно дееспособный. См.: Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть). М, 1998. С. 20.

³ Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) принята и открыта для подписания, присоединения и ратификации резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 44/25 от 20 ноября 1989 г. Текст конвенции опубликован в издании Организации Объединенных Наций (Нью-Йорк, 1992) [Электронный ресурс]. Режим доступа: Правовая система «Гарант».

руются государством права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией Российской Федерации¹.

Аналогично обстоят дела с правами лиц, страдающими психическими расстройствами. Так, в Декларации о правах умственно отсталых лиц (1971 г.) записано: «Умственно отсталое лицо имеет в максимальной степени те же права, что и другие люди»². Закон Российской Федерации от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в ст. 5 также признает, что лица, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами граждан, предусмотренными Конституцией Российской Федерации и федеральными законами³.

Согласно ст. 24 Конституции Российской Федерации, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну принадлежит каждому без каких-либо ограничений. Более того, ст. 17 Конституции Российской Федерации признает, что основные права человека неотчуждаемы и принадлежат ему с рождения. Следовательно, можно однозначно утверждать, что право на неприкосновенность частной жизни в общем смысле принадлежит любому лицу, независимо от его возраста или психического состояния. Однако если посмотреть на диспозицию ст. 137 УК РФ, поскольку нас интересует именно вопрос об отнесении указанных лиц к категории потерпевших, то можно выявить интересные особенности. Так, ее толкование безальтернативно указывает на лиц, обладающих личной или семейной тайной, которые при этом не дают согласие на ознакомление с ней или ее распространение другим лицам. Следовательно, в качестве потерпевших уголовный закон признает только такое лицо, которое способно в силу возрастного и психического развития осознавать определенную информацию, касающуюся его лично или его семьи, как тайну и возражать против ознакомления с ней посторонних. Наверное, никто не будет спорить, что, например, у младенца никаких тайн от окружающих его людей нет, поэтому, в соответствии со ст. 137 УК РФ, невозможно признать его в качестве потерпевшего, аналогично дела обстоят с лицами, у которых наблюдаются врожденные или приобретенные тяжелые формы слабоумия (напр., идиотия, болезнь «Альцгеймера» и др.).

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1988. 3 авг. № 31. Ст. 3802.

² Декларация о правах умственно отсталых лиц (1971 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: Правовая система «Гарант».

³ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. 20 авг. № 33. Ст. 1913.

Вместе с тем, незаконное собирание или распространение таких сведений, как о характере заболевания, месте и специфике лечебного учреждения, физических недостатках и прочих обстоятельствах, касающихся указанных категорий граждан, которых мы вывели за круг лиц, относящихся к потерпевшим, может посягать на интересы (семейную тайну) членов их семьи, соответственно, в этом случае последние и будут признаны потерпевшими, а действия виновного квалифицированы по ст. 137 УК РФ.

Составной частью права на неприкосновенность частной жизни человека является право на неприкосновенность тайны личной корреспонденции и иных сообщений, которое включено в объект ст. 138 УК РФ. В литературе предлагают следующие дефиниции данного элемента состава преступления. Например, Д. В. Бушков полагает, что под непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ, следует понимать юридический интерес неприкосновенности права каждого человека на тайну его личной корреспонденции (сведений конфиденциального характера, опосредованно передаваемых частными лицами друг другу через использование любого способа передачи информации)¹. Довольно распространен подход, согласно которому объектом рассматриваемого преступления признается гарантированное Конституцией Российской Федерации право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений². Однако превалировать в этом вопросе продолжает позиция, с которой мы в полностью согласны, что последним признаются общественные отношения, «обеспечивающие право человека на тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений»³.

Для зарубежного уголовного права при определении непосредственного объекта рассматриваемого деяния характерно два подхода. В большинстве случаев наблюдается схожесть с российским вариантом, когда объектом признаются отношения в сфере тайны сообщений (см.: УК Кореи, Германии, Японии, Австрии, Швейцарии). Вместе

¹ Бушков Д. В. Тайна личной корреспонденции в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. С. 53.

² См.: Семенцова И. А. Уголовное право: Особенная часть. Ростов н/Д, 2003. С. 82; Уголовное право России / Под ред. В. П. Ревина. М., 1998. С. 211; Иванов Н. Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части. М., 2000. С. 345 и др.

³ См.: Курс уголовного права. Указ. соч. С. 340; Уголовное право. Особенная часть. Т. 1 / под ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. М., 1999. С. 147; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 1998. С. 314.

с тем, встречается и другое понимание объекта, когда речь идет не только о тайне сообщений, но и о неприкосновенности сообщений в широком смысле. Такой позиции придерживаются, например, законодатели Польши, Австралии, Аргентины, КНР и др.

Согласно ч. 1 ст. 63 Федерального закона от 07.07.2003 «О связи», на территории Российской Федерации гарантируется тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи¹. Ограничение права на тайну сообщений, передаваемых по сетям электросвязи и сетям почтовой связи, возможно только в случаях, предусмотренных федеральными законами². Так, ограничение указанного права допускается на основании судебного решения, при производстве следственных действий (ст. 13 УПК РФ), либо при наличии у органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность³ определенной информации о готовящемся преступлении, действиях, создающих угрозу безопасности государства и т. д.⁴ К примеру, в США только за один год суды по данным обстоятельствам разрешили 2 млн прослушиваний.

В общемировой практике право на невмешательство в личную и семейную жизнь человека и неприкосновенность его корреспонденции рассматриваются как общие понятия⁵. Однако следует отметить, что область сведений, включенных в объект преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ, значительно шире, чем у объекта преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, т. к. в этом случае уголовным законом охраняются любые сведения, передаваемые с помощью почтовых,

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. 14 июля. № 28. Ст. 2895.

² См., напр.: о введении военной цензуры за почтовыми отправлениями и сообщениями, а также контроля за телефонными переговорами: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении»; Ч. 2 ст. 13, часть 2 ст. 29, ст. 185 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

³ См., напр.: Попов К. И. Прослушивание телефонных переговоров: соотношение следственного действия и оперативно-розыскного мероприятия // Проблемы совершенствования российского законодательства в обеспечении законных прав и интересов личности : мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. Челябинск, 2002. С. 27.

⁴ Подробнее см.: О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 2. С. 1.

⁵ См.: напр., ст. 12 Всеобщей декларации прав человека.

телеграфных и иных сообщений, а не только о частной жизни лица, составляющие его личную или семейную тайну.

Затрагивая вопрос о предмете преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ, заметим, что в уголовно-правовой литературе нередко, как и в предыдущем случае, утверждается, что таковыми являются передаваемые сведения (информация)¹. Такая позиция вызывает возражение, по высказанной нами ранее причине, что предмет — это всегда вещь материального мира². Соответственно, предметом преступления мы можем признавать письма, записки, бланки телеграмм, пейджер, в котором содержится текстовое сообщение и т. п., но никак не информацию, передаваемую по средствам связи. В противном случае нам пришлось бы считать, например, предметом преступления «мысль», высказанную в телефонном разговоре, словосочетания, отраженные в письме и т. д.

По статье 138.1 УК РФ предметом выступают технические средства, предназначенные для негласного получения информации (напр., «жучки»)³. Понятие технического средства, как нам кажется, удачно раскрыто в ст. 13.8 КоАП РФ, с учетом изложенного в данной норме, под специальными техническими средствами следует понимать предназначенные для негласного сбора информации изделия, оборудование, аппаратуру, функционирующие на основании законов электротехники, радиотехники и (или) электроники и содержащие электронные компоненты и (или) схемы. Предлагаемая дефиниция позволит исключить трудности в квалификации при определении предмета преступления, поскольку в нем четко прослеживаются присущие ему специфические признаки: 1) это должно быть специальное средство, по целевому назначению, предназначенное для сбора информации; 2) оно должно признаваться техническим.

В отличие от ст. 137 УК РФ, потерпевшим, чье право на тайну личной корреспонденции охраняется уголовным кодексом, признается любое лицо, независимо от его возраста и психического здоровья, по-

¹ См., напр.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Бойко. Ростов-н/Д., 1996. С. 323; Уголовное право России. Особенная часть / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 1999. С. 139 и др.

² Загородников Н. И. Понятие объекта преступления в Советском уголовном праве. М., 1951. С. 44.

³ Петроченков С. Д. О квалификации преступлений, совершенных с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации // Уголовное право. 2019. № 2. С. 48–50.

сколькx закон в этом случае не вводит дополнительных признаков, характеризующих потерпевшего, а как нам удалось установить на основе анализа Конституции Российской Федерации и других нормативных источников, основные права принадлежат каждому человеку с момента его рождения. Конечно, грудной ребенок или лицо, страдающее глубоким поражением психики, не будет звонить по телефону, отправлять письмо или телеграмму. Однако сообщение может быть адресовано последнему, с учетом того, что он ознакомится с ним, например, в свое совершеннолетие или по выздоровлению и т.д. В связи с этим следует подчеркнуть и то обстоятельство, что потерпевшими могут признаваться обе стороны, как отправитель, так и адресат. Однако, если адресатом выступает не частное, а должностное лицо, а равно иной сотрудник, общественной, государственной, муниципальной организации, и переписка при этом имеет служебный характер, тогда потерпевшим признается только отправитель сообщения.

В рамках вопроса об объекте преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, затронем еще один спорный момент, насколько соответствует заявленному объекту деяние, закрепленное в ст. 138.1 УК РФ, в которой речь идет о незаконном обороте специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации¹. Подчеркнем, что указанная норма содержит альтернативный состав преступления по отношению к деянию, предусмотренному в ст. 138 УК РФ².

Например, Т. Д. Устинова, пишет по данному поводу, что норма, закрепленная в ч. 3 ст. 138 УК РФ (в действующей редакции ст. 138.1 УК РФ), не является исключительно ориентированной на охрану тайны сообщений³. Соглашается с Т. Д. Устиновой и продолжает развивать заявленный ею тезис Д. В. Бушков, который считает, что, следуя подобной «беспочвенной» логике законодателя, надлежало бы аналогично норму о незаконном обороте огнестрельного оружия (поскольку оружие функционально предназначено для поражения «живой мишени»,

¹ Перечень видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации см.: Постановление Правительства РФ от 01.07.1996 № 770 // СЗ РФ. 1996. 8 июля. № 28. Ст. 3382.

² См., напр.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 1997. С. 119; Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части : учеб. / под ред. Р. А. Базарова, В. П. Ревина. Челябинск, 2003. С. 205.

³ Устинова Т. Нарушение тайны переписки, телефонных и иных сообщений граждан // Уголовное право. 1998. № 2. С. 10.

следовательно, тоже создает потенциальную угрозу убийства), включить в ч. 3 ст. 105 УК РФ, где установить ответственность за незаконное производство, приобретение или сбыт оружия, предназначенного для умышленного лишения жизни другого человека¹. Естественно, такой подход не встретил бы одобрения среди специалистов уголовного права. Этому есть свои объяснения, главное из которых то, что непосредственным объектом незаконного оборота оружия является общественная безопасность в заявленной сфере, а не общественные отношения, направленные на охрану жизни или здоровья человека. Проводя подобную разницу в объектах посягательства, мы не имеем ввиду факультативные объекты, которые находят свое отражение в квалифицирующих признаках, как, например, в ч. 2 ст. 138 УК РФ.

Точно таким же образом складывается ситуация и с оборотом технических средств. Остается загадкой, почему законодатель посчитал, что указанные предметы применяются исключительно при посягательстве на конституционное право, гарантирующее неприкосновенность сообщений, поскольку можно назвать и иные противоправные деяния, при которых указанные технические средства используются с не меньшим успехом. Например, при незаконном получении сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ); государственной измене (ст. 275 УК РФ); шпионаже (ст. 276 УК РФ); злоупотреблении или превышении должностными полномочиями (ст. 286 УК РФ, напр., при незаконном ознакомлении со служебной корреспонденцией коммерческих структур) и др. А если так, то потенциальная угроза причинения с их помощью вреда охраняемым интересам личности, общества или государства будет при совершении любого из указанных деяний, а не только, предусмотренных ст. 138.1 УК РФ. Возможно, логика законодателя была связана с тем, что анализируемая норма в порядковом расположении, первая среди других, предусматривающих ответственность за посягательства на охраняемую законом тайну. Однако из-за этого на практике может сложиться ситуация, когда, например, виновный приобретает указанные технические средства с целью сбора сведений, составляющих банковскую или государственную тайну, а его привлекают к ответственности по ст. 138.1 УК РФ за преступление против права человека на тайну сообщений.

Думается, что правильным решением подобной правовой коллизии, было бы выделение нормы, предусмотренной в ст. 138.1 УК РФ,

¹ Бушков Д. В. Указ. соч. С. 56.

в самостоятельную статью за рамками гл. 19 УК РФ, т. к. в анализируемом случае предмет преступления не соотносится с непосредственным объектом указанного деяния, как часть и целое. На наш взгляд, объектом этого деяния следует признавать не общественные отношения в сфере обеспечения конституционных прав и свобод человека, а отношения по регулированию государством оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации¹. Такое понимание объекта преступного посягательства позволяет нам выделенную норму разместить в гл. 32 УК РФ под номером 330.3, предусмотрев в ней ответственность за незаконные производство, сбыт, изготовление, приобретение, а равно хранение в целях сбыта специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации или его основных частей.

Дело в том, что уголовное право и судебная практика разделяют производство и изготовление запрещенных к обороту предметов. Законодатель же со своей стороны должен стремиться к единообразному толкованию используемых в УК РФ терминов. Так, Пленум Верховного Суда Проводя подобную разницу в объектах посягательства, мы не имеем ввиду факультативные объекты, которые находят свое отражение в квалифицирующих признаках, как, например, в ч. 2 ст. 138 УК РФ, раскрывает данные действия следующим образом: под незаконным изготовлением... следует понимать... умышленные действия, в результате которых... получено одно или несколько готовых к использованию... средств. Под незаконным производством... умышленные действия, направленные на серийное получение таких средств. Следовательно, если производство изначально ориентировано на дальнейшую реализацию указанных предметов, поскольку предполагает их создание в больших (серийных, производственных) объемах, то изготовление может быть относительно небольшой партией, хотя при этом также преследуется цель их последующей реализации или личного использования, что характеризует такие действия, как общественно опасные, поскольку этим создаются предпосылки для преступных посягательств на конституционные права и свободы человека, а так же другие правоохраняемые интересы общества и государства. Следовательно,

¹ Указ Президента РФ от 09.01.1996 № 21 «О мерах по упорядочению разработки, производства, реализации, приобретения в целях продажи, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза за ее пределы, а также использования специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации» // СЗ РФ. 1996. 15 янв. № 3. Ст. 153.

вполне уместно говорить, что такие деяния должны оцениваться как преступные.

В обоснование криминализации такого способа, как хранение в целях сбыта, отметим, что это предложение заслуживает внимания, поскольку на практике не всегда удастся доказать сам факт приобретения виновным указанных предметов (напр., следователю зачастую трудно получить ответы на вопросы: где, когда, у кого, в каком объеме и пр.). Однако, если у виновного изымают обозначенные спецсредства в значительном объеме, при обстоятельствах, дающих основание полагать, что последний хранил их с целью реализации, представляется, что в такой ситуации есть все основания для привлечения последнего к уголовной ответственности. Кроме того, возможны случаи совершения данного преступления в составе группы лиц по предварительному сговору, когда одно лицо их приобретает, а другое хранит с целью сбыта.

Применительно к дополнительно выделяемому нами предмету преступления в виде основных частей рассматриваемых спецсредств, можно дать следующее объяснение: дело в том, что указанные средства в обход законодательства можно продавать в разобранном виде одним лицом или, что еще более безопасно, в двух точках разные комплектующие, которые при их несложной сборке позволяют собрать готовое к использованию устройство. Именно по этой причине, например, в ст. 222 УК РФ законодатель выделяет наравне с оружием и его основные части.

Применительно к объекту преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, встречаются следующие дефиниции. Так, М. А. Нагорная предлагает под указанным объектом понимать, неприкосновенность жилища¹. Б. В. Здравомыслов рассматриваемым объектом называет право на неприкосновенность жилища, закрепленное в ст. 25 Конституции. Проводя подобную разницу в объектах посягательства, мы не имеем ввиду факультативные объекты, которые находят свое отражение в квалифицирующих признаках, как, например, в ч. 2 ст. 138 УК РФ., согласно которому никто не имеет права проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц, иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения². С ним соглаша-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. А. Чекалин. М., 2002. С. 342.

² Уголовное право России. Особенная часть / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996. С. 109.

ются В. В. Трифанов, А. В. Хабаров¹, И. А. Семенцова², А. Н. Красиков³ и некоторые др.

Мы разделяем точку зрения, что в качестве анализируемого объекта следует рассматривать не само конституционное право, а общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность жилища⁴. Близкую по смыслу формулировку предлагает В. А. Новиков, так, по его мнению, объектом данного преступления, выступают общественные отношения, содержанием которых является гарантированное ст. 25 Конституции Российской Федерации право каждого человека на неприкосновенность его жилища⁵.

Помимо основного непосредственного объекта у данного деяния, можно выделить ряд факультативных. Например, А. В. Кладков правильно подмечает, что в качестве таковых, если в результате проникновения в жилище вред причиняется иным охраняемым интересам, могут рассматриваться и иные общественные отношения, например, обеспечивающие право собственности (при повреждении или уничтожении имущества, когда виновный выбивает дверь, ломает замок, разбивает окно и т.п.); жизнь или здоровье (при применении насилия), личную свободу (в случае применения насилия или его угрозы); законную деятельность предприятий, учреждений, организаций (в случае использования лицом своего служебного положения для проникновения в жилище)⁶.

В зарубежной уголовно-правовой науке можно выделить подход, тождественный российскому варианту (см., напр.: УК Кыргызской Республики). Однако, наряду с таким пониманием объекта, существует и его расширенное определение, например, по УК Литовской Республики, Болгарии, Кореи охране подлежат общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность не только жилища, но и иных мест (напр., земельных участков, служебных помещений, транспорта и пр.), а также права на жилище (см., напр.: УК Республики Таджики-

¹ Трифанов В. В., Хабаров А. В. Уголовное право Российской Федерации. Тюмень, 2004. С. 231.

² Семенцова И. А. Уголовное право: Особенная часть. Ростов н/Д., 2003. С. 84.

³ Красиков, А. Н. Указ. соч. С. 55.

⁴ Курс уголовного права. Указ. соч. С. 345.

⁵ Новиков В. А. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности жилища : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 52.

⁶ Уголовное право России. Особенная часть / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996. С. 109.

стан). Видимо в основу подобной уголовно-правовой полемики положен конституционный подход, к определению самого права на неприкосновенность жилища. Например, ст. 30 Конституция Украины, ст. 29 Конституции Республики Беларусь, ст. 25 Конституции Казахстана гарантируют неприкосновенность жилища. Конституция Республики Молдова в ст. 29 расширяет указанное право, установив, что жилище и место пребывания неприкосновенны. При этом никто не только не может проникать (как по российскому законодательству), но и находиться в жилище или месте пребывания лица без его согласия.

Неприкосновенность жилища является важнейшим правом любого человека, которое подразумевает такое состояние его жизнедеятельности, при котором в определенные сферы личной жизни никто не должен вмешиваться. В этом смысле неприкосновенность жилища заключается в наличии условий для уединения, пребывания одному или в кругу желаемых лиц (родственников, близких, знакомых), т. е. в условиях, исключающих нежелательное присутствие посторонних людей в занимаемом жилом помещении. Исходя из того, что ст. 25 Конституции Российской Федерации гласит: «Никто не имеет права войти в жилище против воли проживающих в нем лиц...», следует, что обязанность соблюдать указанное право является абсолютным для всех лиц без исключения, как граждан, так и представителей государственной власти, напр., сотрудников правоохранительных органов.

Тем не менее, право на неприкосновенность жилища допускает некоторые исключения из общего правила, когда проникновение против воли проживающего в нем лица предусмотрено федеральным законом. Например, возможность проникновения без согласия последних допускается УПК РФ (ст.ст. 12, 165, 182–183)¹; Федеральный Закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ст. 8)²; Федеральный Закон от 22.08.1995 № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» (ст. 25)³; Федеральный Закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» (ст. 12)⁴ и ря-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 дек. № 249.

² Подробнее см.: О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.1993 № 13 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 3.

³ Российская газета. 1995. 31 авг.

⁴ Российская газета. 1997. 5 авг.

дом других актов федерального законодательства (в том числе УК РФ согласно ст. ст. 38 и 39) др.

По этому поводу Ф. М. Рудинский отмечал, что право на неприкосновенность жилища нельзя рассматривать в качестве глухой непроницаемой стены между сферой личной жизни и обществом¹. Из сказанного следует, что в некоторых случаях подобное проникновение просто вызвано объективной необходимостью для недопущения общественно-вредных последствий, напр., при освобождении заложников, катастрофах, пожаре, затоплении, пресечении преступлений и т. п. Однако такое проникновение считается правомерным, если при этом строго соблюдаются предписания закона. От противоправного посягательства на конституционное право допустима такая форма защиты, как необходимая оборона. Например, К. укусила работника милиции Б. и сорвала с него погон за то, что он пытался проникнуть в ее квартиру. Суд оправдал К., сославшись на ст. 25 Конституции Российской Федерации, поскольку сотрудники милиции пытались проникнуть в ее жилое помещение незаконно, в нарушение требований ст. 11 Закона «О милиции»². В другом деле были также признаны оборонительными действия при обстоятельствах, когда Б. по ошибке стал стучать в квартиру незнакомых супругов С., а затем начал выбивать дверь. Когда С. открыл дверь, Б. угрожающе двинулся на него. С., выталкивая Б. с целью не допустить в квартиру, ударил его в лицо³. В то же время, противоправными могут быть признаны действия проживающих лиц, которые препятствуют законному проникновению. Например, Смоленский районный суд признал виновным по ст. 318 УК РФ Ю., который оказал вооруженное сопротивление работникам милиции с целью недопущения последних в свой дом, где они намеревались провести обыск на легальных основаниях⁴.

Хочется отметить то, что в объект состава преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, включено право, закрепленное в ст. 25 Кон-

¹ Рудинский Ф. М. Личные права и свободы граждан СССР: Конституционный статус личности в СССР. М., 1983. С. 171.

² Куницина З. Суд подтвердил право на неприкосновенность жилища даже от участкового // Российская газета. 2004. 7 окт.

³ См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 01.07.1993 «Действия лица квалифицированы как покушение на убийство из хулиганских побуждений»; Судебная практика к УК РФ / под. общ. ред. В. М. Лебедева. М., С. 449.

⁴ 44-летний житель села Смоленское отстаивал неприкосновенность жилища с двустволкой в одной руке и Конституцией в другой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.banekfax.ru>

ституции Российской Федерации, соответственно, сфера действия указанной уголовно-правовой нормы направлена исключительно на недопущение незаконного проникновения в жилище. В тех же случаях, когда лицо противоправно лишается своего жилого помещения, нарушается не право на неприкосновенность жилища, а право на жилище, гарантированное ст. 40 Конституции Российской Федерации. Следовательно, уголовное преследование должно осуществляться не по ст. 139 УК РФ, а по другим статьям уголовного кодекса (напр., по ст. ст. 159, 163, 285 УК РФ). Подобные случаи также встречаются в судебной практике¹.

Говоря о потерпевшем данного преступления, отметим, что по Конституции Российской Федерации разбираемое право является всеобщим, и его в равной мере имеют все лица, законно проживающие в определенном жилом помещении, независимо от того, являются ли они собственником, квартиросъемщиком, нанимателем, арендатором помещения или проживают вместе с ним (напр., родители и дети). Об этом прямо свидетельствует и формулировка диспозиции ст. 139 УК РФ, в которой речь идет о проживающих лицах, без указания правового статуса последних в отношении занимаемого жилого помещения. В то же время действующим законодательством в отношении отдельных категорий лиц предусмотрены дополнительные гарантии неприкосновенности жилища, например, для депутатов Федерального Собрания Российской Федерации², судей³, представителей дипломатического корпуса⁴. В остальном право каждого человека на неприкосновенность жилища, является равным и неделимым. В литературе описан пример привлечения к уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности жилища, хозяйки квартиры, которая сдала внаем

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.06.1995 № 8-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта 8 части второй статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР в связи с запросом Муромского городского народного суда Владимирской области и жалобами граждан Е. Р. Такновой, Е. А. Оглоблина, А. Н. Ващука» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. № 2.

² Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. 1994. 12 мая. № 88.

³ Федерации: Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 29 июля.

⁴ Венская конвенция о дипломатических сношениях (Вена, 18 апреля 1961 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. 29 апр. № 18. Ст. 221.

одну из комнат, а спустя некоторое время, в отсутствие нанимателей са-мовольно открыла комнату и вынесла их вещи¹.

В случае применения насилия в процессе незаконного проникнове-ния к другим лицам (напр., вахтеру, консьержу, коменданту общежития, горничной, охраннику, лицу, находящемуся в гостях и др.), последние, несмотря на то, что их конституционное право на неприкосновенность жилища не нарушается, тем не менее, потерпевшими будут признаны по ст. 139 УК РФ. В основу такого вывода положено то обстоятельство, что насилие к ним применялось с целью проникновения в чужое жи-лое помещение, следовательно, содеянное в этом случае будет квали-фицировано по ч. 2 ст. 139 УК РФ, и дополнительной квалификации по другим статьям уголовного кодекса о преступлениях против жизни или здоровья не требуется.

В заключение отметим, что мы признаем ошибочным мнение тех авторов, которые пытаются рассматривать жилище как предмет пре-ступления², (хотя в определенных уголовно наказуемых деяниях оно может признаваться и таковым, напр., при мошенничестве, вымога-тельстве, уничтожении чужого имущества и т.п.). На наш взгляд, жи-лище в данном случае следует рассматривать местом преступления, т.к. оно выступает не в качестве предмета, на который направлено пре-ступление, а признается той территорией проникновение, в границы которой образует противоправное деяние. Аналогично, например, ре-шается вопрос при незаконной охоте на территории заповедника. Пока охота осуществляется вне этой территории преступления нет (при от-сутствии других признаков уголовно наказуемого браконьерства). Од-нако, как только в процессе выслеживания или преследования дичи охотник незаконно вторгается в границы заповедника или заказника, его действия автоматически образуют оконченное преступление. Кро-ме этого, обратим внимание, что жилище выступает местом в преступ-лениях против собственности, в случае незаконного проникновения в его границы с целью хищения чужого имущества. Отметим, что точно так же, например, возможно незаконное проникновение в жилое поме-щение для установки прослушивающих устройств или с целью сбора информации отнесенной к личной тайне человека и т.п.

По вопросу определения непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, выделяют две основные позиции.

¹ Иванов В. Н. Уголовно-правовая охрана основных прав граждан. М., 1967. С. 129.

² Трифанов В. В. Указ. соч. С. 231.

Например, И. А. Семенцова¹, А. В. Кладков², М. А. Нагорная³ и др., в качестве объекта рассматривают право, закрепленное в Конституции Российской Федерации, согласно которому каждый имеет право знакомиться с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы. Наряду с Конституцией России, аналогичные положения содержатся в некоторых Конституциях зарубежных стран. См., напр.: Конституцию Республики Казахстан, Конституцию Польши, Конституцию Португальской Республики и др.

Однако с учетом понимания объекта, как общественного отношения, согласимся с А. В. Арндаренко, Н. И. Ветровым, А. Н. Павлухиным, С. А. Уваровым, Н. Д. Эриашвили, что объектом указанного преступления являются общественные отношения в сфере ознакомления граждан с информацией, затрагивающей его права и свободы⁴.

Несколько шире понимают объект комментируемого деяния Л. Л. Кругликов⁵, А. Н. Гув, включая в него отношения по реализации права на получение любой информации, а не только той, которая касается прав и свобод человека⁶. Однако в этой связи им можно возразить, что отказ гражданину в выдаче иной информации, не указанной в диспозиции ст. 140 УК РФ, либо информации, непредоставление которой не причинило вреда правам и законным интересам лица, не образует признаки преступления, предусмотренного данной нормой. Следовательно, можно предположить, что в объект анализируемого деяния включается охрана только той информации, которая непосредственно затрагивает права, свободы и интересы конкретного индивида.

Изучение зарубежных источников уголовного права (напр., Республики Армения, Республика Беларусь, Республика Таджикистан, Кыргызской Республики) позволяет утверждать, что в большинстве случаев объект данного преступления совпадает с его российской трактовкой. На наш взгляд, объяснение этому заключается в том, что нор-

¹ Семенцова И. А. Указ. соч. С. 86.

² Уголовное право России. Особенная часть / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996. С. 92.

³ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. А. А. Чекалин. М., 2002. С. 344.

⁴ Уголовное право / под ред. Н. И. Ветрова, А. В. Арндаренко. М., 2002. С. 155.

⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2005. С. 267.

⁶ Гув А. Н. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для предпринимателей. М., 2006. С. 136.

мы, устанавливающие ответственность за указанное деяние, являются тождественными ст. 140 УК РФ. Вместе с тем, можно встретить и отличные подходы в определении общественных отношений, охраняемых смежными уголовно-правовыми нормами. Так, в преступлении, предусмотренном в ст. 180 УК Республики Молдова в качестве последнего подразумеваются общественные отношения по обеспечению информации, касающейся здоровья населения, общественной безопасности и охраны окружающей среды.

Раскрывая содержание объекта преступления, предусмотренного ст. 140 УК РФ, следует обратить внимание, что, по мнению С. А. Авакьяна, данное право человека направлено на защиту от произвольного сбора информации о человеке и манипулирования ею¹. Однако сказанное не означает, что сбор информации во всех случаях совершается для использования полученных данных в противоправных целях. Иногда лицо, будучи обязанным, самостоятельно подает в соответствующие организации интересующую их информацию, например, о состоянии здоровья, имеющейся собственности, доходах и расходах и т. д. Допускается получение подобной информации из иных источников, например, в ходе проводимых проверочных мероприятий. К примеру, в соответствии со ст. 6 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», собирание сведений о личности может осуществляться путем опроса граждан, наведения справок, исследования предметов и документов, наблюдения, обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроля почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивания телефонных переговоров, снятия информации с технических каналов связи и т. д.

Анализируемое право находит свое детальное закрепление в различных нормативных актах, например, в УПК РФ, ГПК РФ, КоАП РФ, Законе «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Законе Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»² и др. Например, в Указе Президента Российской Федерации от 31 декабря 1993 г. прямо закреплено, что деятельность государственных органов, организаций и предприятий, общественных объединений, должностных лиц должна осуществляться на принципе доступности для гражд-

¹ Авакьян С. А. Конституционное право России. Т. 1. М., 2005. С. 582.

² О средствах массовой информации: Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 // Российская газета. 1992. 8 февр. 1992. № 32.

дан информации, если она затрагивает их личные интересы¹. Только в исключительных случаях неполное предоставление документов может основываться на ограничениях, устанавливаемых законодательством. Однако сказанное не означает, что законодатель волен устанавливать любые исключения из гарантируемого данной статьей права. Так, Конституционный суд Российской Федерации по данному поводу пришел к выводу, что установление подобных ограничений может предопределяться федеральными законами, обеспечивающими охрану государственной тайны, сведений о частной жизни, а также конфиденциальных сведений, связанных со служебной, коммерческой, профессиональной и изобретательской деятельностью. Вся иная информация должна быть доступна заинтересованным лицам².

В статье 140 УК РФ имеется прямое указание на предмет преступления, в качестве которого признаются документы и материалы, находящиеся в органах государственной или муниципальной власти. Документом, как пишет Е. Ю. Сабитова, признается материальный носитель с зафиксированной на нем информацией, имеющей юридическое значение, составленный по установленной нормативным актом форме и обладающий необходимыми реквизитами³. Как следует из приведенного определения, документ всегда подразумевает официальную форму. Соответственно, иные носители информации, касающиеся интересов граждан будут отнесены к материалам (например, перспективные планы строительства жилья, выписка о размере заработной платы за истекший период, списки очередников на жилье, списки с указанием баллов, полученных абитуриентами на вступительных экзаменах в вузе и т. п.). Кроме этого, по общему правилу термин «материалы» может распространяться также на комплексные собрания документов и другие письменные акты, например, материалы уголовных, административных, пенсионных дел, дисциплинарных, аудиторских проверок, ревизий и т. д.

Однако необходимо иметь в виду, что предметом преступления могут признаваться только те документы и материалы, которые, как отме-

¹ Указ Президента РФ от 31.12.1993 № 2334 «О дополнительных гарантиях прав граждан на информацию» // Российская газета. 1994. 10 янв. № 4.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000. № 3-П «По делу о проверке конституционности п. 2 ст. 5 Федерального закона „О прокуратуре Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Б. Кехмана» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. № 3.

³ Сабитова Е. Ю. Документ как признак преступлений в сфере экономики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 12.

чено в ст. 140 УК РФ, непосредственно затрагивают права и свободы граждан. В то же время, давая общее указание на предметы преступления, в диспозиции указанной нормы не раскрывается, что понимать под такой его характеристикой, как «документы, непосредственно затрагивающие права и свободы человека». Представляется, что используемое понятие является оценочным, и к таким документам и материалам следует относить те, которые касаются реализации конституционных прав и свобод, например, содержат информацию о совершенных лицом правонарушениях, зарегистрированных объектах собственности, имуществе и имущественных обязательствах, уплаченных налогах, состоянии здоровья, служебных проверках, повлекших дисциплинарные взыскания и т. п. Например, гражданин может обратиться в налоговую инспекцию по месту жительства и запросить информацию о сумме налоговых удержаний с него за истекший год. Помимо указанного предмета преступления, в анализируемой статье можно выделить еще один факультативный предмет, а именно: материальный носитель, в котором отражена неполная или заведомо ложная информация. Данный предмет следует отнести к факультативным, поскольку интересующие сведения, в одних случаях, могут быть задокументированы и содержаться в письменном ответе (напр., в виде выписки, справки и т.п.), а в других сообщены устно во время приема или по телефону. Н. И. Пикуров справедливо полагает, что неполной следует признавать информацию, которая отражает лишь часть сведений о юридических фактах и событиях, и которой недостаточно для реализации прав и свобод гражданина. Ложной, в свою очередь, является информация, не соответствующая действительности, искажающая содержание юридических фактов, необходимых индивиду для реализации прав и свобод¹.

Для точного установления объекта преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ, необходимо проанализировать, закрепленное в ст. 28 Конституции Российской Федерации, право на свободу совести и свободу вероисповедания и сопоставить его с действующей редакцией нормы уголовного закона. Однако, как нам кажется, большинство правоведов такое соотношение норм конституционного и уголовного законодательства не провели, поэтому и допустили неточность при установлении непосредственного объекта рассматриваемого преступления. Как правило, в литературе в анализируемый объект включается и свобода совести и свобода вероисповедания, что не отражает

¹ Уголовный закон в практике мирового судьи : научно-практическое пособие / под ред. А. В. Галаховой. М., 2005.

реально существующую на сегодня ситуацию. Например, Л. Г. Мачковский определяет объект преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ, как общественные отношения, возникающие при реализации соответствующих субъективных прав¹. И. М. Тяжкова², Н. И. Ветров³ считают, что последними следует признавать общественные отношения, обеспечивающие свободу совести и вероисповедания. По мнению А. В. Серебренниковой охраняемым благом в данном случае, является свобода совести и вероисповедания⁴.

Ряд других исследователей обращают внимание, что в действующей редакции ст. 148 УК РФ нацелена исключительно на охрану свободы вероисповедания, в то время, как свобода совести выведена за ее рамки. Например, Н. С. Федосова, предлагает непосредственным объектом указанного посягательства рассматривать совокупность общественных отношений, регулируемых законодательством о религиях⁵. В таком подходе ее поддерживают Л. Л. Кругликов, по мнению которого ст. 148 УК РФ предусматривает уголовную ответственность не за всякое посягательство на свободу совести и вероисповеданий (как это следовало бы из заголовка статьи), а лишь за ущемление прав и свобод верующих лиц⁶, а также А. В. Кладков, который пишет, что ст. 148 УК РФ, вопреки ее названию, не охраняет свободу быть атеистом и вести атеистическую деятельность⁷. Действительно, если посмотреть на диспозицию анализируемой нормы, то становится очевидным односторонняя направленность ее действия, исключительно на защиту свободы деятельности религиозных организаций и права на религиозные обряды.

Таким образом, сказанное позволяет утверждать, что, исходя из действующей редакции ст. 148 УК РФ, в качестве непосредственно-

¹ Мачковский Л. Г. Указ. соч. С. 237.

² Курс уголовного права. Т. 3. Указ. соч. С. 350.

³ Уголовное право / под ред. Н. И. Ветрова, А. В. Арндаренко. М., 2002. С. 165.

⁴ Серебренникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 27.

⁵ Федосова Н. С. Уголовное право и религия: проблемы взаимовлияния и взаимодействия : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2003. С. 127.

⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2005.

⁷ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2004.

го объекта рассматриваемого состава преступления выступают общественные отношения в сфере реализации религиозных прав и свобод человека, гарантируемых ст. 28 Конституции Российской Федерации. Применительно к зарубежным источникам конституционного права также отметим, что признание свободы совести и вероисповедания является всеобщим, оно прописано в большинстве Конституций стран мира. См.: Конституцию Республики Казахстан, Конституцию Республики Армения, Конституцию Республики Кыргызстан, Конституцию Украины¹.

Большинство зарубежных стран, в непосредственный объект уголовно-правовой охраны также включили религиозные права и свободы (см.: УК Австрии, Республики Узбекистан, Сан-Марио и др.). Вместе с тем, встречается и другой подход, когда, наряду с религиозными правами под охрану поставлена и свобода атеистической деятельности (см.: УК Германии, Польши, Испании и некоторых других стран).

По вопросу определения потерпевшего предлагают также различные дефиниции, например, что последними являются верующие лица, независимо от выбранной ими религиозной конфессии². Однако распространено и такое мнение, что потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ, может быть признано как физическое, так и юридическое лицо, которому препятствуют осуществлять указанные конституционные права и свободы, например, физическому лицу — молиться, венчаться и т.п., юридическому лицу — религиозной организации — осуществлять церковные службы³. Думается, что вторая позиция более предпочтительна, поскольку в самой диспозиции рассматриваемой нормы имеется ссылка на религиозную организацию, деятельности которой воспрепятствуют противоправными посягательствами. С учетом того, что ни в Конституции Российской Федерации, ни в УК РФ не определяется гражданская принадлежность потерпевших, однако, учитывая, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются данным правом наравне с гражданами России, то их также следует признавать потерпевшими в случае воспрепятствования им в реализации права на свободу вероисповедания, независимо от их конфессиональной принадлежности.

¹ Конституции стран СНГ. Ереван, 1997.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2005.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рапог. М., 2004.

Разбирая положения ст. 28 Конституции Российской Федерации как благо, на охрану которого нацелено уголовное законодательство, следует отметить, что свобода совести понимается в двух аспектах: социальном и правовом. Свобода совести в социальном плане равнозначна свободе убеждений и мировоззрений на основе нравственных ценностей. Что касается правового понимания, то в литературе можно встретить различные точки зрения по этому поводу¹, суть которых сведена к следующему: в правовом плане свобода совести понимается, как отношение человека к религии, как свобода исповедовать любую религию, относиться к ней нейтрально или отвергать религию в целом.

Наиболее детально указанное право регламентировано Федеральным законом от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»², согласно которому в Российской Федерации гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Помимо названного закона, данные правоотношения регулируются и иными правовыми актами³.

О признании высокой значимости свободы совести и вероисповедания со стороны государства⁴ можно судить, например, по тому, что, во-первых, указанные свободы не могут быть ограничены даже в условиях чрезвычайного положения (ст. 56 Конституции Российской Федерации); во-вторых, принципы вероисповедания, отрицающие несение военной службы, являются юридическими фактами для ее замены на альтернативную гражданскую службу (ст. 59 Конституции Российской

¹ См., напр.: Савельев В. Н. Свобода совести: История и теория : монография. М., 1991. С. 97; Розенбаум Ю. А. Советское государство и церковь. М., 1958. С. 8.

² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. 29 сент. № 39. Ст. 4465.

³ Федеральный закон от 12.01.199 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Российская газета. 1996. 24 янв.; Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Российская газета. 1995. 25 мая; Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Российская газета. 10 авг. № 153. и др.

⁴ В то же время, если говорить об отечественной практике в области защиты права на свободу вероисповедания, то можно наблюдать двойственную картину, в одних случаях, верующим удается отстоять указанное право, в других — нет. См.: напр., Определение кассационной коллегии Верховного суда РФ от 15.05.2003 № КАС03-166 [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «Гарант» и др.

Федерации); в-третьих, данное право гарантируется и обеспечивается всем осужденным без исключения, в то время, когда ряд других конституционных прав для осужденных к лишению свободы существенно ограничен¹ (ст. 14 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации²). Только в исключительных случаях право человека на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено федеральным законодательством. Так, ст. 14 Закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» предусматривает ряд обстоятельств, при наличии которых в судебном порядке может быть ликвидирована религиозная организация. К таким обстоятельствам относятся: нарушение общественной безопасности и общественного порядка; действия, направленные на осуществление экстремистской деятельности; принуждение к разрушению семьи; посягательство на личность, права и свободы граждан; нанесение установленного, в соответствии с законом, ущерба нравственности, здоровью граждан, в том числе использованием в связи с их религиозной деятельностью наркотических и психотропных средств, гипноза, совершением развратных и иных противоправных действий; склонение к самоубийству и др. Например, деятельность религиозной организации «Свидетели Иеговы» в Москве была запрещена, поскольку в суде нашли подтверждение факты, что ее активисты склоняют членов общины к самоубийству, запрещают переливать кровь, принуждают к разрушению семьи и пр.³

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение непосредственным объектам преступлений против личных прав и свобод человека и гражданина?
2. Кого следует признавать потерпевшим в преступлениях против личных прав и свобод человека и гражданина?
3. Какие выделяются предметы в преступлениях против личных прав и свобод человека и гражданина?

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 16.10.2003 № 371-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чуева Игоря Анатольевича на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 91 и ч. 5 ст. 92 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Режим доступа: Справочно-правовая система «Гарант».

² Российская газета. 1997. 16 янв. № 9.

³ Шраменко М. Страсбургский суд удовлетворил жалобу челябинской религиозной общины на представителей властей // Челябинский рабочий. 2007. 17 янв. № 7.

2.2 Непосредственный объект, предмет и потерпевший в преступлениях против политических прав и свобод человека

Рассмотрим объект преступлений против избирательных прав граждан. Например, А. И. Бойко считает, что основным непосредственным объектом в данном случае выступают избирательные права граждан¹. По мнению Т. Н. Елисейевой, последним являются общественные отношения, обеспечивающие реализацию любых избирательных действий или действий по подготовке и проведению референдумов всех уровней (федеральных, региональных, местных)².

Думается, стоит согласиться с Н. Г. Мажинской, которая пишет, что непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. ст. 141–142.2 УК РФ, следует считать общественные отношения, обеспечивающие реализацию избирательных прав граждан и права на участие в референдуме³. Схожее определение предложено в работе Ю. Климовой⁴. Вместе этим вызывает недоумение подход Ю. Климовой к определению родового объекта рассматриваемого преступления, под которым предлагается понимать общественные отношения, возникающие в процессе реализации политического права на управление государством. Полагаем, что в предлагаемой дефиниции полным образом отражены те стороны правового статуса человека, которые поставлены под охрану уголовного закона. Более развернутое понимание рассматриваемого объекта предлагает Н. Ю. Турищева, по мнению которой, таковым следует признавать общественные отношения, которые возникают в ходе реализации субъективных избирательных прав, права граждан на участие в референдуме и связаны с возникновением, изменением или прекращением статуса участника избирательного процесса, процесса референдума, а также с реализацией закрепляемых указанным статусом правомочий⁵.

¹ Уголовное право. Особенная часть / под ред. В. Н. Петрашева. М., 1999. С. 119.

² См.: Елисейева Т. Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 90.

³ Мажинская Н. Г. Проблема отграничения фальсификации избирательных документов от смежных составов в российском уголовном праве // Юридический вестник РГЭУ. 2001. № 4. С. 90.

⁴ Климова Ю. Уголовная ответственность за подкуп избирателей // Уголовное право. М., 2008. № 1. С. 50.

⁵ Турищева Н. Ю. Объект преступлений против избирательных прав и права на участие в референдуме // Правоведение. СПб., 2009. № 1. С. 120.

Ю. А. Веденеев и В. Д. Князев добавляют к этому еще и общественные отношения, обеспечивающие работу избирательных комиссий, комиссий референдума¹. Однако, на наш взгляд, подобные отношения следует рассматривать не в качестве основного непосредственного объекта, поскольку анализируемые нормы, судя по их расположению в разд. 7 и гл. 19 УК РФ, направлены на охрану прав человека, а как факультативный объект, которому преступлением в отдельных случаях может причиняться вред. Кроме этого, к факультативным объектам, за посягательства на которые в квалифицирующих признаках преступлений указанной группы предусмотрена более строгая ответственность, можно отнести общественные отношения, направленные на охрану жизни, здоровья (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ), имущества (ч. 2 ст. 142 УК РФ), документооборота (ч. 3 ст. 142 УК РФ), нормальной деятельности органов государственной и муниципальной власти, а также иных организаций и предприятий (ч. 3 ст. 141 УК РФ)².

Позиция, присущая большей части уголовного законодательства зарубежных стран, в целом совпадает с российским подходом, что указанные деяния посягают на отношения в сфере реализации собственными гражданами государства присущих им пассивных и активных избирательных прав, а также прав на участие в референдуме (см.: напр., УК Польши, Швейцарии, Республики Узбекистан, Республики Казахстан, Республики Армения и др.). Однако встречаются и другие варианты. Так, в Республике Беларусь в объект преступления, предусмотренного ст. 192 УК, включены также общественные отношения по отзыву выбранного депутата. Более узкий подход, сведенный к охране только избирательных прав граждан, встречается, например, в уголовном праве КНР.

Отдельного комментария в рамках анализа объекта преступлений против избирательных прав заслуживает характеристика потерпевшего. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, если обладание большинством прав и свобод Конституция Российской Федерации не связывает с российским гражданством, устанавливая, что «каждый имеет право...», «каждому гарантируется...», то право участвовать в управлении делами государства признается только за собственными гражданами.

¹ Веденеев Ю. А., Князев С. Д. Избирательные правоотношения // Государство и право. 1999. С. 34.

² Дектерев А. А. Квалифицированные виды воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ) // Уголовное право. 2019. № 1. С. 18–28.

На наш взгляд, такое ограничение по кругу лиц вполне обосновано, учитывая характер данного права, выражающего суверенитет народа и выступающего формой осуществления принадлежащей ему власти. Иностранцы граждане и лица без гражданства этим правом не обладают¹. Следовательно, потерпевшими по этому преступлению могут признаваться только граждане Российской Федерации, обладающие активным или пассивным избирательным правом и правом на участие в референдуме, либо в некоторых случаях граждане, задействованные в избирательном процессе (напр., при воспрепятствовании работе избирательных комиссий, последними могут признаваться члены этих комиссий). Не имеют права быть избранными граждане Российской Федерации, имеющие гражданство иностранного государства, либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Исключение для указанных граждан предусмотрено при избрании в органы местного самоуправления, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации.

В то же время следует помнить, что избирательным правом обладают дееспособные граждане России, достигшие определенного возраста. Например, активное избирательное право граждане приобретают по достижении 18 лет². Нижний возрастной предел пассивного избирательного права устанавливается Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, конституциями (уставами), законами субъектов Российской Федерации. По мнению специалистов в области конституционного права, такая мера себя полностью оправдывает, т.к. установление возрастных цензов продиктовано требованиями жизненного опыта, зрелости взглядов и мышления претендентов на выборные должности³. Однако, высказывалась и иная позиция⁴. При этом установление максимального возраста

¹ Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. В. Д. Карповича. М., 2002.

² Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» / отв. ред. А. А. Вешняков. 2003. С. 21.

³ Выдрин И. В. Избирательное право РФ. М., 2004. С. 23.

⁴ Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Н. В. Витрука к постановлению Конституционного Суда РФ от 10 июня 1998 г. по делу о проверке конституционности положений п. 6 ст. 4, подп. «а» п. 3 и п. 4 ст. 13, п. 3 ст. 19 и п. 2 ст. 58 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 25. Ст. 3002.

кандидата запрещается. Право на участие в референдуме имеют граждане Российской Федерации, так же достигшие возраста 18 лет.

Не менее важное значение при анализе указанных составов уголовно наказуемых деяний приобретают предметы преступления. В диспозициях ст.ст. 141–142.2 УК РФ имеется прямое указание на такие предметы, например, к ним относятся: денежные средства, материальные ценности, избирательные документы, документы референдума, подписные листы, списки участников референдума, бюллетени и др.

Содержание правоохраняемого блага состоит в том, что, согласно Конституции Российской Федерации, непосредственное участие граждан России в управлении делами государства осуществляется посредством их волеизъявления на выборах, референдумах, а также личного участия в работе органов законодательной, исполнительной или судебной власти. Изучение конституционного права зарубежных государств также доказывает значимость анализируемого права, о чем свидетельствует включение последнего во все изученные конституции стран мира¹, Другая форма участия граждан в осуществлении народовластия опосредованная — через своих представителей, избираемых в органы законодательной власти (Государственную Думу Российской Федерации, законодательный орган субъекта Федерации и др.) и органы местного самоуправления. Помимо закрепления в Конституции Российской Федерации, данное право регулируется законами².

Избирательные права предусматривают совокупность правомочий, связанных с выполнением определенных избирательных действий, например, с участием в формировании избирательных комиссий, с вы-

¹ См.: напр., Конституции Турции, Республики Беларусь, Молдовы. Конституции государств Европы. М., 2001. Т. 2. С. 555.

² См.: Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. 5 июля. № 27. Ст. 2710; Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. 17 июня. № 24. Ст. 2253; Федеральный закон от 18.05.2005 № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. 23 мая. № 21. Ст. 1919; Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. 13 янв. № 2. Ст. 171; Федеральный закон от 26.11.1996 № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» // СЗ РФ. 1996. 2 дек. № 49. Ст. 5497 и др. Право участвовать в референдуме регламентировано Конституцией РФ, Федеральным конституционным законом от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации», а также Федеральным законом «Об основных гарантиях...».

движением и регистрацией кандидатов, с предвыборной агитацией, голосованием, подсчетом голосов и пр. Пассивное избирательное право предполагает возможность каждому гражданину, обладающему избирательным правом, выдвигаться и баллотироваться в качестве кандидата на выборные должности. Все кандидаты наделены равными правами и обязанностями. При этом не допускается каких-либо дискриминаций и ограничений (напр., специального требования к знанию национальных языков и т.д.)¹. Референдум, наряду со свободными выборами, является высшим непосредственным выражением власти народа. Все граждане России имеют право участвовать в референдуме на равных основаниях.

Ограничение избирательного права распространяется на строго определенные случаи. Конституция Российской Федерации в ч. 3 ст. 32 определила, что не имеют права избирать, быть избранными граждане, признанные судом недееспособными или содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда. Статья 4 Федерального закона «Об основных гарантиях...» дополняет и конкретизирует этот перечень рядом других обстоятельств. Например, не имеют права быть избранными граждане Российской Федерации, осужденные к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений, либо, осужденные за совершение преступлений экстремистской направленности, предусмотренных УК РФ и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления; подвергнутые на момент голосования административному наказанию по ст. 20.3 КоАП РФ и т.д. В отношении ограничений, связанных с проведением референдума, отметим, что они касаются двух аспектов: 1) вынесения на референдум определенных тем. Перечень тем, которые не могут выноситься на референдум, имеют строго ограничительный характер, к ним относятся вопросы: об изменении статуса субъекта (субъектов) Российской Федерации; о досрочном прекращении или продлении срока полномочий Президента Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации; об амнистии и помиловании и др.; 2) обстоятельств, которые исключают его назначение и проведение. Так, референдум не может назначаться и проводиться в условиях военного или чрезвычайного положения, введенного на тер-

¹ Постановление Конституционного суда РФ от 27.04.1998 № 12-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ч. 1 ст. 92 Конституции Республики Башкортостан, ч. 1 ст. 3 Закона Республики Башкортостан „О Президенте Республики Башкортостан” (в ред. от 28.08.1997) и ст. ст. 1 и 7 Закона Республики Башкортостан „О выборах Президента Республики Башкортостан”» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1998. № 4.

ритории Российской Федерации (в отдельных местностях), в последний год полномочий Президента Российской Федерации и т. д.

Деяние, закрепленное ст. 144 УК РФ, направлено на провозглашенную в ст. 29 Конституции Российской Федерации свободу массовой информации. Непосредственный объект анализируемого преступления в литературе определяется по-разному. Например, А. Н. Красиков в объекте усматривает право человека (журналиста) на выражение своих мыслей, мнений с помощью средств массовой информации¹. Можно встретить и такое мнение, что объектом является свобода печати и других средств массовой информации, являющаяся составной частью, гарантированной каждому ст. 29 Конституции Российской Федерации². М. А. Нагорная добавляет к свободе массовой информации, также свободу мысли и слова³. Н. И. Ветров, А. В. Арендаренко объект рассматривают, как общественные отношения в сфере свободы печати и других средств массовой информации⁴.

Думается, что авторы, формулируя подобным образом объект преступления, предусмотренного ст. 144 УК РФ, несколько расширено толкуют сферу действия данной уголовно-правовой нормы. Дело в том, что указанная статья распространяет свою сферу действия на защиту профессиональной деятельности журналистов, а не в целом на свободу средств массовой информации, и, тем более, свободу слова. Сказанное позволяет нам в качестве анализируемого объекта рассматривать общественные отношения в сфере свободы массовой информации, в части реализации журналистами своих профессиональных прав.

Потерпевшим по данной статье выступает журналист, под которым понимается лицо, занимающееся редактированием, созданием, сбором или подготовкой сообщений и материалов для редакции зарегистрированного средства массовой информации, связанное с ней трудовыми или иными договорными отношениями.

В зарубежной уголовно-правовой науке общественные отношения, охраняемые смежными нормами понимаются по-разному. К примеру, с российским подходом в этом вопросе солидарны правоведы Кыргызской Республики, Республики Армения, Республики Казахстан, Республики Таджикистан. Однако встречаются и другие варианты, на-

¹ Красиков А. Н. Указ. соч. С. 68.

² Уголовное право России. Особенная часть / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996. С. 97.

³ Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. А. А. Чекалин. М., 2002. С. 350.

⁴ Уголовное право / под. ред. И. Н. Ветрова, А. В. Арендаренко. М., 2002. С. 158.

пример, когда к числу последних отнесены отношения, обеспечивающие свободное распространение СМИ (см. УК Аргентины) или обеспечивающие свободу слова и права на получение или распространение информации (см. УК Грузии). Нелишним будет отметить, что зарубежное конституционное право, относит свободу массовой информации к числу основных прав и свобод человека и гражданина¹.

Содержание объекта уголовно-правовой охраны раскрывается в Законе Российской Федерации «О средствах массовой информации»², который, развивая норму Конституции Российской Федерации (о свободе массовой информации), определил, что в Российской Федерации поиск, получение, производство и распространение массовой информации, учреждение средств массовой информации... не подлежат ограничениям, за исключением предусмотренных законодательством о средствах массовой информации.

Таким образом, свобода массовой информации — это свобода выбора, направления деятельности, которая обеспечивается широкими полномочиями журналистов на доступ к информации. По нашему мнению, конституционными гарантиями свободы массовой информации являются, в том числе: свобода мысли, слова, выражения мнений и убеждений, экономической деятельности, а также прямой запрет цензуры.

Воспрепятствование в какой-либо форме законной деятельности средств массовой информации со стороны указанных субъектов, посредством вмешательства в деятельность и нарушения профессиональной самостоятельности редакции, незаконного прекращения либо приостановления деятельности средств массовой информации является грубым нарушением свободы массовой информации и влечет предусмотренную законом ответственность³. Тем не менее, действующее за-

¹ См., напр.: Конституции Республики Хорватия, Японии, Азербайджанской Республики. Конституции государств Европы. М., 2001. Т. 1.

² См.: Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. 8 февр. № 32; Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации»; Федеральный закон от 13.01.1995 № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации»; Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»; Федеральный закон от 18.07.1995 № 108-ФЗ «О рекламе»; Федеральный закон от 04.07.1996 № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене» и др.

³ Лингенс (Liège) против Австрии. Решение Европейского суда по правам человека от 9 мая 1986 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. М., 2000.

конодательство предусматривает случаи, когда право журналиста на получение и распространение информации может быть ограничено. Такие условия предусмотрены, например, в ст. 11 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»¹; в ст. 4 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»; в ст. 54 Федерального закона от 20.12.2002 № 175-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»² и др.³ Например, ст. 7 Закона «О военном положении» допускает введение контроля за работой объектов, обеспечивающих функционирование... связи, за работой типографий, средств массовой информации, использование их работы для нужд обороны. Однако не всегда правовые акты признаются в части ограничивающей свободу массовой информации соответствующими Конституции Российской Федерации⁴, поэтому большой интерес представляет анализ решений судебных инстанций по вопросам подобного соответствия. Для оценки недопустимости ограничения свободы массовой информации большое значение имеют решения Европейского суда по правам человека. В качестве наиболее значимых для уяснения правового режима СМИ можно выделить некоторые из них. Например, Аутроник АГ против Швейцарии (май 1990 г.); Гроппера Радио АГ и другие против Швейцарии (март 1990); Гудвин (Goodwin) против Соединенного Королевства (27 марта 1996 г.) и др.⁵

Объектом преступления, предусмотренного ст. 149 УК РФ, как пишет И. А. Семенцова, выступает право, закрепленное ст. 31 Конституции Российской Федерации, на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований⁶. С ней полностью соглашается

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. 4 июня. № 23. Ст. 2277.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. 23 дек. № 51. Ст. 4982.

³ См.: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» // СЗ РФ. 2002. 4 февр. № 5. Ст. 375.

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. № 5; Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.1995 № 69-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козырева Андрея Владимировича» // Российская газета. 1995. 22 нояб. № 226 и др.

⁵ Европейский Суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. М., 2000.

⁶ Семенцова И. А. Указ. соч. С. 100.

В. Д. Иванов¹. А. Н. Красиков, разделяя такую точку зрения в своем определении, использует лишь обобщенную формулировку — право на массовые мероприятия², что в принципе одно и то же.

Дискуссионным в таком понимании объекта является только то, что оно сведено к самому конституционному праву, а не общественному отношению, направленному на его реализацию. В связи с этим мы предлагаем под объектом данного состава преступления понимать общественные отношения, обеспечивающие реализацию права на публичные мероприятия.

По вопросу определения непосредственного объекта исследуемого деяния, большинство зарубежных правоведов сходятся во мнении, что смежные нормы направлены на охрану общественных отношений, обеспечивающих реализацию права на публичные мероприятия. Вместе с тем, определенная дискуссия возможна по поводу дополнительных и факультативных объектов. Если российский уголовный закон отношения по охране жизни и здоровья (в случае применения насилия), а также в сфере законной государственной и муниципальной службы (если действия совершены должностным лицом) причисляет к факультативным объектам рассматриваемого преступления, то в других странах жизнь и здоровье нередко относятся к дополнительному объекту (см.: УК Республики Беларусь, Республики Таджикистан). Встречаются и такие подходы, например, когда к перечню факультативных объектов добавляются отношения собственности (см.: УК Франции), честь и достоинство человека (см.: УК Аргентины, Штата Техас) и некоторые другие.

Поскольку в ст. 149 УК РФ речь идет о незаконном воспрепятствовании проведению или участию, а равно принуждению к участию в массовых мероприятиях, то потерпевшими выступают его организаторы, участники или лица, которых принуждали к участию в нем. Если обратиться взор на мировой опыт в этом вопросе, то здесь мы встретим неоднозначное решение этой проблемы. Например, аналогичные положения, когда право на публичные мероприятия принадлежит гражданам государства, предусмотрено Конституциями таких стран, как Австрия, Болгария, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Италия, Испании и др. Однако есть и другой подход, закрепляющий анализируемое право не только за собственными гражданами, а за всеми лицами, находящимися на территории страны. Например, можно сослаться на ст. 25 Конституции Грузии, которая гласит: «Все, кроме лиц, находящихся на службе

¹ Иванов В. Д. Указ. соч. С. 78.

² Красиков А. Н. Указ. соч. С. 70.

в Вооруженных силах, полиции и службе безопасности, имеют право без предварительного разрешения собираться публично...». Конституция Мальтийской Республики в ст. 42 установила, что: «Никому не следует препятствовать в пользовании его свободой мирных собраний...». Статья 9 Конституции Нидерландов гарантируется право на проведение собраний и демонстраций... (без указания на гражданскую принадлежность их участников). Обязательным условием в данном случае выступает то обстоятельство, что потерпевшими могут быть признаны только лица, которые реализуют законное право на проведение массовых мероприятий. Например, особые условия участия в публичных мероприятиях предусмотрены в отношении некоторых категорий граждан по их профессиональной принадлежности. Закон Российской Федерации «О статусе военнослужащих» содержит норму, в соответствии с которой последние вправе только в свободное от исполнения обязанностей военной службы время мирно, без оружия участвовать в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании, проводимых вне территории воинской части¹. В противном случае сама публичная акция будет носить незаконный характер, следовательно, совершаемые действия нельзя будет признать митингом, шествием, демонстрацией и пр., как результат даже в случае насильственного и противоправного разгона «массового скопления» людей, содеянное не будет подпадать под признаки ст. 149 УК РФ, т. к. силу бланкетности ее диспозиции правоприменителям надлежит руководствоваться правовыми актами, регламентирующими законный порядок проведения массовых мероприятий, однако содеянное в этих случаях может быть квалифицировано по иным статьям УК РФ, например, ст. ст. 116, 115, 213, 286 и др.

Так, организатором публичного мероприятия может быть любой гражданин Российской Федерации (организатором демонстраций, шествий и пикетирований, достигший возраста 18 лет, митингов и собраний — 16 лет) или группа граждан, политические партии, другие общественные и религиозные объединения. За исключением: 1) лиц, признанных судом недееспособными либо ограниченно дееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы; 2) политических партий, других общественных или религиозных объединений, деятельность которых приостановлена или запрещена, либо которые ликвидированы в установленном законом порядке. Участниками публичного мероприятия признаются граждане, члены политических партий,

¹ Федеральный закон от 27.05.1998. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. 1 июня. № 22. Ст. 2331.

члены и участники других общественных или религиозных объединений, добровольно участвующие в нем. Участниками публичного мероприятия признаются добровольно участвующие в нем граждане, члены политических партий, члены и участники других общественных или религиозных объединений (соответственно указанные лица могут и принуждаться к участию в нем).

Ученые-юристы все без исключения подчеркивают особую важность анализируемого права¹, которым закрепляется важнейший правовой институт, присущий демократическому обществу. В то же время, необходимо иметь в виду, что законодательством предусмотрен ряд его ограничений, например, это касается места времени и некоторых других обстоятельств проведения публичного мероприятия. Например, если его проведение создает угрозу обрушения зданий и сооружений или иную угрозу безопасности участников данного публичного мероприятия². Так, запрещается проводить их на территориях, непосредственно прилегающих к опасным производственным объектам и иным объектам, эксплуатация которых требует соблюдения специальных правил техники безопасности; территориях, непосредственно прилегающих к резиденциям Президента России, к зданиям судов и пр. Например, Закон Российской Федерации «О чрезвычайном положении» допускает запрещение или ограничение проведения массовых мероприятий на период чрезвычайного положения³.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение непосредственным объектам преступлений против политических прав и свобод человека и гражданина?
2. Кого следует признавать потерпевшим в преступлениях против политических прав и свобод человека и гражданина?
3. Какие выделяются предметы в преступлениях против политических прав и свобод человека и гражданина?

¹ См.: Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В. В. Лазарев [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «Гарант»; Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. В. Д. Карповича. М., 2002. С. 107; Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Окунькова Л. А. М., 1994. С. 89 и др.

² Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

³ Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. 2004. 4 июня. № 23. Ст. 2277.

2.3 Непосредственный объект, предмет и потерпевший в преступлениях против социальных прав и свобод человека

По вопросу объекта преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, посягающего на конституционное право, гарантирующее условия труда, отвечающие требованиям безопасности, в литературе развернулись особенно жаркие споры. Например, В. Д. Пакутин считал, что объектом являются установленные государством на предприятиях и в учреждениях условия труда, которые непосредственно служат обеспечению безопасности трудящихся в процессе работы¹. С ним соглашались Н. П. Яблоков² и А. А. Великий, которые также полагают, что последними надо признавать сами безопасные условия труда³. О безопасных условиях труда работников, как об объекте преступления, предусмотренного ст. 140 УК 1960 г. (ст. 143 УК РФ), высказывался и Пленум Верховного Суда СССР⁴.

А. Н. Гув объектом признает правила охраны труда и техники безопасности, зафиксированные в Трудовом кодексе, а также в нормативных актах⁵. Встречаются авторы, которые называют в качестве изучаемого объекта, — право рабочих и служащих на здоровые и безопасные условия труда⁶. Отдельная группа правоведов при определении объекта преступного нарушения правил охраны труда предлагала акцент делать не на конституционное право, сопряженное с безопасностью труда, а на жизнь или здоровье граждан⁷.

¹ Пакутин В. А. Ответственность по советскому уголовному праву за преступления в области охраны труда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1956. С. 4.

² Яблоков Н. П. Проблемы расследования и предупреждения преступлений в области охраны труда и техники безопасности : автореф. дис. ... др-ра юрид. наук. М., 1972. С. 11.

³ Великий А. А. Нарушение правил труда: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 18.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 05.12.1986 № 16 «О практике применения судами уголовного законодательства, направленного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1987. № 1.

⁵ Гув А. Н. Указ. соч. С. 154.

⁶ См., напр.: Иванов В. Д. Указ. Соч. С. 81; Мельникова Ю. Б., Беляева Н. В., Плешаков А. М. Уголовная ответственность за нарушение правил охраны труда. М., 1980. С. 10 и др.

⁷ См., напр.: Сахаров А. Б. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. М., 1958. С. 178; Горелик И. И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. М., 1973. С. 58 и др.

Однако мы придерживаемся позиции тех ученых, которые рассматривают объект через призму общественных отношений. Так, Л. Г. Мачковский объектом ст. 143 УК РФ видит общественные отношения, обеспечивающие здоровые и безопасные условия труда, т.е. такие условия, которые соответствуют государственным нормативным требованиям сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности¹. Представляется, что наиболее точно установить объект анализируемого деяния, в его взаимосвязи с конституционным положением (ст. 37) удалось И. В. Бессоновой, которая определяет его, как общественные отношения, обеспечивающие конституционное право человека на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены². Данное определение, во-первых, не отягощено ненужным нагромождением конструкции, посредством включения в него дополнительных признаков, как например, в дефиниции, предложенной Л. Г. Мачковским, а во-вторых, четко вычленяет те трудовые права человека, которые поставлены под охрану уголовного закона.

Отдельно остановимся на предложении, высказанном И. М. Тяжковой, согласно которому деяние, предусмотренное ст. 143 УК РФ, хотя и расположено в главе о преступлениях против конституционных прав и свобод человека, однако посягает на безопасность в сфере обеспечения защиты жизни и здоровья граждан при осуществлении производственных процессов в различных отраслях. Следовательно, по своей правовой природе анализируемое деяние стоит в одном ряду с другими преступлениями против производственной безопасности, например, предусмотренными ст.ст. 215–219 (кроме ст.ст. 215.1–215.3) УК РФ³. Основываясь на такой постановке вопроса, автор делает вывод о целесообразности создания отдельной главы (по признакам видового объекта), куда, по его мнению, и должны войти вышеназванные нормы. Применительно к ст. 143 УК РФ, то она согласно предлагаемым изменениям, должна быть исключена из гл. 19 УК РФ, на ее место следует ввести общую норму о нарушении трудового законодательства (аналогичную ст. 138 УК РСФСР).

¹ Мачковский Л. Г. Охрана безопасности труда в уголовном законодательстве России и зарубежных государств // Современное право. 2004. № 9. С. 65.

² Бессонова И. В. Нарушение правил охраны труда в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 9.

³ Тяжкова И. М. Ответственность за неосторожные преступления, совершаемые при использовании источников повышенной опасности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 289–292.

Вне всяких сомнений, что указанные составы преступлений очень близки по своим объективным и субъективным признакам. Не случайно в литературе не раз отмечалось, что нормы гл. 24 УК РФ также направлены на защиту конституционных положений, гарантирующих безопасные условия труда. Тем не менее, попробуем определить, является ли такое разделение смежных норм об ответственности за нарушение техники безопасности в различных производственных сферах очередной законодательной путаницей, или в этом имеется определенный нормотворческий замысел. Как, напр., до сих пор не исключили из диспозиции ст. 124 УК РФ ссылку причинение по неосторожности вреда здоровью средней тяжести и т. д. Для ответа на данный вопрос необходимо установить, в чем заключается отличие объектов вышеназванных составов преступлений от объекта преступления, предусмотренно ст. 143 УК РФ.

Сразу обращает внимание, что, если в основу объекта состава преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, включено право любого человека трудиться в безопасных условиях, то объектами смежных норм гл. 24 УК РФ выступают отношения по обеспечению общественной безопасности при ведении указанной в диспозициях ст. ст. 215–219 УК РФ видов деятельности. При этом, особенно важно то, что круг потерпевших в названных статьях уже не ограничивается только лицами, задействованными в производственном процессе.

Такой подход в конструировании объектов рассматриваемых деяний, на наш взгляд, позволяет утверждать, что нормы гл. 24 УК РФ имеют вполне определенную цель по недопущению последствий, представляющих опасность не только и не столько для конкретного работника, как этого требует ст. 143 УК РФ, а создающих потенциальную угрозу для общества, т. е. их вредоносность подразумевается в гораздо большем масштабе. Об этом в частности свидетельствует как выборка и включение в нормы уголовного закона тех отраслевых производств (атомная энергетика, взрывоопасные объекты, горные, строительные работы, и пр.), деятельность которых напрямую связана с общественной безопасностью, так и потенциальные последствия анализируемых преступлений, такие как радиоактивное заражение окружающей среды, причинение крупного ущерба, и, что самое главное, причинение вреда здоровью или смерти не ограниченному кругу людей. Причем анализ данных составов преступлений приводит к выводу, что конституционное право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, для деяний, предусмотренных в ст. ст. 215–217 УК РФ, является дополнительным, а для преступле-

ний, предусмотренных ст. ст. 218–219 УК РФ, и вовсе факультативным объектом.

Сказанное, на наш взгляд, подтверждает, что позиция законодателя о включении нормы, закрепленной в ст. 143 УК РФ, в гл. 19 УК РФ, вполне обоснована. Во-первых, тем самым подчеркивается и неприкосновенность анализируемого права в числе других конституционных прав и свобод человека, а во-вторых, его включение в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны, свидетельствует о недопущении нарушения права на безопасные условия труда в отношении каждого отдельно взятого работника.

По вопросу дополнительного объекта преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, напротив, наблюдается общность во мнениях, и большинство правоведов последним признают общественные отношения, направленные на защиту жизни и здоровья граждан в процессе их трудовой деятельности.

Анализ зарубежного уголовного законодательства подтвердил, что большинство стран, например, Болгария, Эстонская Республика, Швейцария, Азербайджанская Республика, Кыргызская Республика и др. пошли по аналогичному пути и поставили под охрану право на безопасные условия труда. Сравнительное изучение конституций ряда зарубежных приводит также к выводу, что положения, схожие со ст. 37 Конституции Российской Федерации, закрепляющие право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, находят свое признание в конституционных нормах большинства стран современного мира, что соответствует тем высоким требованиям, которые предъявляют международные нормы и принципы к ним в этой части государств (см., напр.: Республики Армения, Чешской Республики, Финляндии, Украины и др.). Вместе с тем, можно выделить и некоторые особенности при конструировании данного объекта. Например, несколько иная ситуация характерна для уголовного законодательства Германии, где нет общей нормы, направленной на охрану труда, аналогично тому, как она изложена в ст. 143 УК РФ, и общественные отношения, составляющие объект уголовно-правовой охраны производственной безопасности, разделены на группы в отдельно взятых отраслях. В Японии, напротив, право на безопасные условия труда в качестве самостоятельного объекта преступления не выделяется, и под охрану в рамках соответствующей нормы поставлен весь комплекс общественных отношений в области обеспечения жизни или здоровья человека в процессе любой профессиональной деятельности.

Потерпевшим в подобных ситуациях может признаваться лицо, участвующее (постоянно или временно) в производственной деятельности¹. Такую характеристику потерпевшим, включая в их число работников предприятия, организации и иных лиц, постоянная либо временная деятельность которых связана с данным производством, дал ПВС СССР. В тех же случаях, когда в результате нарушения правил охраны труда оказались потерпевшими иные лица, действия виновных, в зависимости от их служебного положения, характера и тяжести наступивших последствий, должны квалифицироваться, как соответствующее должностное преступление или преступление против личности. Например, К. судом первой инстанции был признан виновным в нарушении правил охраны труда по ст. 140 УК 1960 г. (ст. 143 УК РФ), вследствие чего был травмирован ребенок. Однако вышестоящая судебная инстанция с таким приговором не согласилась, поскольку потерпевший не являлся работником предприятия².

Помимо лиц, работающих по трудовому договору, согласно ст. 227 ТК РФ, к лицам, участвующим в производственной деятельности работодателя, следовательно, попадающим в перечень потерпевших, относятся: 1) работники и другие лица, проходящие профессиональное обучение или переобучение в соответствии с ученическим договором; 2) студенты и учащиеся образовательных учреждений всех типов, проходящие производственную практику; 3) лица, страдающие психическими расстройствами, участвующие в производительном труде на лечебно-производственных предприятиях в порядке трудовой терапии в соответствии с медицинскими рекомендациями; 4) лица, осужденные к лишению свободы и привлекаемые к труду; 5) лица, привлекаемые в установленном порядке к выполнению общественно-полезных работ; 6) члены производственных кооперативов и члены крестьянских (фермерских) хозяйств, принимающие личное трудовое участие в их деятельности. Список возможных потерпевших продолжается в Положении об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях³, которое свое действие

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 05.12.1986 № 16; Дубровская И. А. Новое в расследовании несчастных случаев на производстве. М., 2007. С. 12; Соктоев З. Б. Нарушение требований охраны труда: о новом постановлении пленума // Уголовное право. 2019. № 1. С. 53–62.

² Бюллетень Верховного Суда СССР. 1987. № 4. С. 6.

³ Постановление Минтруда РФ от 24.10.2002 № 73 т «Об утверждении форм документов, необходимых для расследования и учета несчастных случаев на производстве, и Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях» // Российская газета. 2002. 18 дек. № 237.

распространяет также на иных лиц, участвующих с ведома работодателя (его представителя) в его производственной деятельности своим личным трудом, правоотношения которых не предполагают заключения трудовых договоров, например: военнослужащих, студентов и учащихся, направленных в организации для выполнения строительных, сельскохозяйственных и иных работ, не связанных с несением воинской службы либо учебным процессом; членов семей работодателей — физических лиц (глав крестьянских (фермерских) хозяйств), работающих у них (в них) на собственный счет; работников сторонних организаций, направленных по договоренности между работодателями в целях оказания практической помощи по вопросам организации производства и др. Как видно, с одной стороны, диспозиция ст. 143 УК РФ сужает сферу применения данной нормы, ориентируясь исключительно на обеспечение безопасных условий труда, однако, с другой стороны, ввиду ее бланкетности весьма широкий круг субъектов, задействованных в трудовой и иной производственной деятельности, находится под ее охраной.

Отметим, что в то же время, в некоторых зарубежных уголовных кодексах встречается попытка придать уголовному праву самостоятельность, путем закрепления в примечании, кого следует относить к потерпевшим по рассматриваемым преступлениям, к примеру, в главе «Трудовые конфликты» УК Израиля, последний определяется, как любой работник в ремесленном деле или в промышленности.

Заслуживает внимания вопрос, как квалифицировать содеянное, если в силу определенных причин трудовые отношения не были зафиксированы надлежащим образом, в виде заключения трудового договора? Ответ на него, думается, надо искать в нормах трудового законодательства. Так, ст. ст. 16 и 67 ТК РФ признают, что трудовые отношения между работником и работодателем возникают уже на основании фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его представителя в случаях даже, когда трудовой договор не был надлежащим образом оформлен. Именно на такое принятие судебных решений ориентирует и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»¹. Следовательно, и в этих случаях ответственность будет наступать по ст. 143 УК РФ.

В литературе можно встретить точку зрения, согласно которой выделяются предметы анализируемого преступления. Например,

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 6.

М. С. Гринберг в качестве таковых называл механизмы, приспособления, оборудование и пр., работа с которыми требует тщательного соблюдения определенных правил, а также иные технические устройства — источники повышенной опасности¹. Сразу отметим, что такая позиция не получила широкой поддержки среди ученых. Однако обращает на себя внимание, что данный подход в принципе идентичен тому, как, например, предмет преступления определяется в ст. 264 УК РФ, где последним признаются транспортные средства. Иными словами, признание по сути тех же источников повышенной опасности в указанном качестве, вопросов ни у кого не вызывает². К примеру, в чем заключается разница, при совершении аварии (с человеческими жертвами), управлял ли виновный автокраном на дороге общего пользования или башенным краном при разгрузке железобетонных конструкций? Если следовать подобной логике, то можно согласиться с М. С. Гринбергом, с той лишь оговоркой, что предмет в преступлении, предусмотренном ст. 143 УК РФ, факультативен и не всегда может присутствовать. В противном случае, придется пересматривать сложившуюся традицию в понимании предмета целого ряда уголовно наказуемых деяний.

Краткая характеристика конституционного права на безопасные условия труда, как составляющая объекта уголовно-правовой охраны, сводится к тому, что ст. 37 Конституции Российской Федерации гласит: «Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены». Детально это положение отражено в разд. 10 ТК РФ и других нормативно-правовых актах³. Государственная политика в этой области сориентирована, в первую очередь, на обеспечение

¹ Гринберг М. С. Преступления против общественной безопасности в сфере взаимодействия человека и техники : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1973. С. 11.

² Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1998. С. 616.

³ См., напр.: Постановление Министерства труда и социального развития РФ от 17.06.2003 № 36 «Об утверждении Межотраслевых правил по охране труда при эксплуатации промышленного транспорта (конвейерный, трубопроводный и другие транспортные средства непрерывного действия)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. 3 нояб. № 44; Постановление Министерства труда и социального развития РФ от 12.05.2003 № 27 «Об утверждении Межотраслевых правил по охране труда при эксплуатации газового хозяйства организаций» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. 6 окт. № 40 и др.

приоритета сохранения жизни и здоровья работника. В юриспруденции, особенно в трудовом праве, исследованиям в области охраны труда уделяется значительное внимание, однако до конца эти вопросы еще не решены и вызывают напряженные дискуссии правоведов¹.

В соответствии со ст. 219 ТК РФ, право работника на труд, который отвечает требованиям безопасности и гигиены, включает в себя право: на рабочее место, соответствующее требованиям охраны труда; получение достоверной информации о существующем риске повреждения здоровья, а также о мерах по защите от воздействия вредных и (или) опасных производственных факторов; отказ от выполнения работ, в случае возникновения опасности для его жизни и здоровья; обеспечение средствами индивидуальной и коллективной защиты и т. д. Приводимый перечень прав, на безопасные условия труда в указанной статье, достаточно обширен. Таким образом, государство со своей стороны пытается гарантировать работникам защиту их конституционного права на труд в условиях, соответствующих требованиям безопасности и гигиены. В основе указанных гарантий лежит, напр., то, что условия труда, должны соответствовать нормативно-закрепленным требованиям; в случае причинения вреда жизни и здоровью работника при исполнении им трудовых обязанностей работодатель должен возместить указанный вред².

Статья 145 УК РФ направлена на охрану права на труд, гарантируемого ст. 37 Конституции Российской Федерации и общественных отношений, регламентированных ст. 38 Конституции Российской Федерации, согласно которой материнство и детство находятся под защитой государства. Объект этого преступления определяется учеными неоднозначно. Например, И. А. Семенцова включает в него, наряду с отношениями, связанными с охраной права на труд, материнства и детства, также конституционное право на труд в условиях, соответствующих

¹ См., напр.: Голощапов С. А. Правовые вопросы охраны труда в СССР. М., 1982. С. 41; Российское трудовое право : учеб. / отв. ред. А. Д. Зайкин. М., 2000. С. 323; Сыроватская Л. А. Трудовое право : учеб. М., 1998. С. 253; Соловьев А., Фролов О. Принципы управления охраной труда // Охрана труда и социальное страхование. 2000. № 5. С. 2; Ярхо А. В. Законодательство об охране труда. М., 1988. С. 4; Борисов В. И. Ответственность за нарушение правил по технике безопасности на производстве. Киев, 1984. С. 28; Трудовое право : учеб. / под ред. О. В. Смирнова. М., 2001. С. 312 и др.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 3 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 7.

требованиям безопасности и гигиены¹. На наш взгляд, это несколько неточное определение, поскольку, во-первых, объект рассматривается, в одном случае, как право, в другом — как общественные отношения. Во-вторых, не понятно по какой причине в него включено право на безопасные условия труда, которое отнесено к объекту охраны ст. 143 УК РФ.

М. А. Нагорная полагает, что последним является конституционное право свободно распоряжаться своими способностями к труду (ст. 37 Конституции Российской Федерации), а также принцип равноправия (ст. 19 Конституции Российской Федерации), согласно которого беременная женщина или женщина, имеющая детей до трех лет, должна иметь равные с мужчинами и другими женщинами возможности работать². Представляется, что принцип равноправия выступает в данном случае дополнительным объектом, а не основным, иначе не было бы необходимости выделять норму, закрепленную в ст. 145 УК РФ, в качестве самостоятельного состава преступления.

Объектом преступления, как пишет М. В. Тринчук, признаются общественные отношения в сфере женского труда, материнства и детства. Трудовые отношения в этом случае, по его мнению, имеют специфику, обусловленную необходимостью защиты интересов женщин, которые находятся в заведомо уязвимом положении, выполняя при этом важную социальную функцию — рождение детей. Отсюда, совершая правонарушение, преступник посягает и на интересы детей, которые зачастую остаются без средств к существованию. Ведь понятно, что женщина, имеющая малолетнего ребенка, в настоящее время работает не столько по желанию, сколько по необходимости³. Не согласиться с предложенной дефиницией можно только потому, что речь в нем идет о правах всех работающих или трудоустраивающихся женщин, в то время, как закон выделяет только две категории. И, хотя В. М. Тринчук в дальнейшем в своей работе раскрывает круг потерпевших, тем не менее, само предложенное им определение объекта рассматриваемого преступления имеет указанную неточность.

И. М. Тяжкова полагает, что анализируемым объектом выступают общественные отношения, обеспечивающие право на труд беремен-

¹ Семенцова И. А. Указ. соч. С. 95.

² Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. А. А. Чекалин. М., 2002. С. 351.

³ Тринчук В. М. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений в сфере трудовых отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 45.

ных женщин и женщин, имеющих детей до трехлетнего возраста¹. Думается, что если к этому определению, верному в части трудовых прав женщин указанных категорий, добавить общественные отношения, направленные на защиту семьи, материнства и детства, то можно сформулировать объект уголовно-правовой охраны преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ.

Таким образом, объектом рассматриваемого преступления выступают общественные отношения, в области защиты материнства и детства, обеспечивающие право на труд беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет. Если с объектом преступления наблюдается определенный плюрализм мнений, то с потерпевшими все предельно ясно, поскольку в диспозиции ст. 145 УК РФ законодатель сам ответил на этот вопрос, отнеся к их числу беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет.

Положения, направленные на охрану заявленных общественных институтов в различной интерпретации, можно наблюдать в зарубежном конституционном праве. Например, подход идентичный российскому встречается в УК Азербайджанской Республики. Однако более распространен вариант, когда охране подлежат трудовые права любого лица, подвергнутого незаконному увольнению (см.: УК Республики Беларусь, Грузии, Испании и др.). Естественно, такой подход принципиально по-иному определяет и потерпевшего данного преступления, которым, в свою очередь, может признаваться любое лицо, подвергнутое незаконному увольнению.

Социальное благо, охраняемое уголовным законом в анализируемом случае, заключается в праве женщины свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, независимо от наличия малолетних детей и состояния беременности. Однако нельзя понимать буквально, что любое желание лица работать по определенной профессии, а тем более, в конкретной организации или должности, подлежит немедленному удовлетворению, предположим, лицо, не имея профильного образования, опыта работы, желает занять вакантное место председателя областного суда, начальника городского УВД и пр., не случайно законом в некоторых случаях к претендентам предъявляются дополнительные требования о состоянии здоровья, уровне образования, стаже работы и пр. Возможно и проведение конкурсного отбора. Провозглашением свободы труда, как пишет Н. М. Лаврова, устанавливается также запрещение в какой-либо форме отрицать или ограни-

¹ Курс уголовного права. Т. 3. С. 323.

чивать эту свободу¹. Государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства предусмотрена в гл. 1 Конституции Российской Федерации (Основах конституционного строя), что подчеркивает значение их важнейшей роли в обществе. Как справедливо отмечает А. М. Нечаева, особое значение в этом смысле имеют социально-экономические, правовые, идеологические гарантии прав женщины в период ее беременности, а также в первые годы жизни ребенка². Соглашаются с таким подходом и другие исследователи³.

С этой целью в российских правовых актах провозглашаются и гарантируются особые права беременных женщин, матерей и детей⁴. Важная роль в охране материнства и детства принадлежит уголовному⁵, семейному, жилищному, административному и др. отраслям права⁶. Например, охрана прав указанных лиц осуществляется целым комплексом уголовно-правовых мер, устанавливая повышенную ответственность за посягательства на последних (п. «а», ч. 2 ст. 105, ст. 111, 123, 145 УК и др.). Семейный кодекс Российской Федерации закрепляет алиментные обязательства, в том числе для беременной супруги, устанавливает ограничения на расторжение брака в этот период. Трудовое законодательство предоставляет отпуска по беременности и родам, отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет и пр. Отдельно отметим, что анализируемое положение нашло прямое закрепление и детализацию в статьях ТК РФ, нормы которого регламентируют вопросы при трудо-

¹ Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В. В. Лазарев. М., 2003.

² Комментарий к Конституции РФ / под ред. Б. Н. Топорнина М., 1997. С. 273.

³ Комментарий к Конституции РФ / под общ. ред. Ю. В. Кудрявцева. М., 1996. С. 168.

⁴ Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22.07.1993 № 5487-1 // Российские вести. 1993. 9 сент. № 174.

⁵ Шепельков В. Ф., Оленников С. М. Срок давности по делам о невыплате заработной плате // Уголовное право. 2019. № 1. С. 71–77.

⁶ См., напр.: Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СЗ РФ. 1996. 23 дек. № 52. Ст. 5880; Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. 3 авг. № 31. Ст. 3802; Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 № 382-О «По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 8, 15 и 17 Федерального закона „О государственных пособиях гражданам, имеющим детей”» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 1 и др.

устройстве и увольнении женщин, находящихся в состоянии беременности или имеющих малолетних детей. Так, в соответствии со ст. 64 ТК РФ, запрещается отказывать в заключение трудового договора женщинам по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей. Значительно сложнее и процедура увольнения указанных лиц, например, ст. 261 ТК РФ устанавливает исчерпывающий перечень обстоятельств, по которым может быть расторгнут трудовой договор с беременными женщинами и женщинами, имеющими детей.

Относительно объекта преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, в литературе можно встретить различные точки зрения. Например, определяющие его как право на вознаграждение за труд¹ или конституционное право человека и гражданина на труд и образование². Включение права на образование в объект ст. 145.1 УК РФ, наряду с правом на труд, а также на социальное обеспечение встречается у М. И. Тяжковой³.

Коллектив авторов А. В. Арндаренко, Н. И. Ветров, А. Н. Павлухин, С. А. Уваров, Н. Д. Эриашвили признают объектом указанного преступления общественные отношения, связанные с материальным обеспечением гражданина⁴.

Думается, что все предложенные дефиниции не отражают тех элементов общественных отношений, которые законодатель поставил под уголовно-правовую охрану нормой, предусмотренной ст. 145.1 УК РФ. Как нам кажется, никакого отношения к анализируемому объекту не имеет право на образование, гарантируемое ст. 43 Конституции Российской Федерации, в рамках которого предусматривается общедоступность и бесплатность школьного... образования, а также возможность получить бесплатное высшее на конкурсной основе и т.д., поскольку Конституция Российской Федерации в указанной норме не связывает право на получение образования с правом на получение стипендии, тем более, что последняя выплачивается не во всех учебных заведениях и даже там, где стипендия предусмотрена, не все учащиеся имеют на нее право (включая студентов, обучающихся на бюджетной основе).

Не совсем удачной представляется нам формулировка «материальное обеспечение», т.к. материальное обеспечение — более широкое по-

¹ Тринчук В. М. Указ. соч. С. 48; Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Отв. ред. А. А. Чекалин. М., 2002. С. 353.

² Семенцова И. А. Указ. соч. С. 96.

³ Курс уголовного права. Указ. соч. С. 327.

⁴ Уголовное право / под ред. Н. И. Ветрова, А. В. Арндаренко. М., 2002. С. 161.

нятие, которое затрагивает и иные общественные отношения. Например, обязанность родителей по воспитанию своих несовершеннолетних детей предполагает их материальное обеспечение, которое включает приобретение одежды, продуктов питания и прочих затрат. Кроме этого, и алиментные обязательства направлены на материальное обеспечение несовершеннолетних детей, а в некоторых случаях и иных лиц (родителей, бывших супругов и пр.). Естественно, что вопрос об ответственности по ст. 145.1 УК РФ в случае невыполнения подобных обязательств не поднимается.

Аналогично, по нашему мнению, дело обстоит с включением в объект рассматриваемой нормы права на труд. Так, освещая объект преступления, предусмотренного ст. 145 УК РФ, мы отмечали, что право на труд — это общая норма, предусматривающая возможность человека выбирать себе род занятий с учетом образования, профессиональных качеств и др. обстоятельств, поэтому правильнее в рамках ст. 145.1 УК РФ говорить не о праве на труд, а о праве на своевременную оплату труда, точно так же, как, например, в ст. 143 УК РФ объект конкретизирован и подразумевает не право на труд в общем смысле, а право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. Необходимо отметить и то, что объект анализируемого преступления шире трудовых конституционных прав, закрепленных ст. 37 Конституции Российской Федерации, поскольку включает в себя более широкий круг общественных отношений по поводу выплаты не только зарплаты, но и иных установленных законом выплат, например, гарантируемых ст. 39 Конституции Российской Федерации. В то же время, нельзя не отметить, что чаще проблемы возникают в сфере задержек с выплатой заработной платы, и именно это деяние является наиболее распространенным из приведенного выше перечня, поэтому и требует большего внимания при проведении нашего исследования.

Таким образом, для того, чтобы правильно установить круг общественных отношений, включенных в исследуемый объект, необходимо обратиться к диспозиции ст. 145.1 УК РФ, в которой сказано, что уголовный закон охраняет право на своевременные выплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат¹, соответственно, общественные отношения по поводу указанных выплат, и будут являться объектом данного состава преступления.

¹ Быкова Е. Г., Яшкова С. А. Некоторые вопросы уголовно-правовой оценки невыплаты заработной платы при банкротстве организации // Уголовное право. 2019. № 2. С. 17–27.

В качестве предмета преступления мы предлагаем рассматривать денежные суммы невыплаченных зарплат, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат. Следовательно, потерпевшими можно признавать лиц, имеющих право на получение указанных выплат (например, работники, служащие, студенты, пенсионеры, инвалиды и др.), однако, которым эти выплаты задержаны на срок, установленный уголовным законодательством.

За рубежом используются различные подходы при определении круга охраняемых общественных отношений смежными уголовно-правовыми нормами. Однако плюрализм наблюдается не только в уголовном законодательстве, дело в том, что в Конституциях некоторых стран вообще право на заработную плату, не имеет самостоятельного закрепления. К числу последних можно отнести Конституции США, Германии, Англии, Грузии, Узбекистана и др. В других Конституциях (напр., Японии, России, Республики Казахстан, Украины, Республики Беларусь и др.) напротив, выделяется и признается право на заработную плату, как важная и независимая социально-экономическая составляющая правового статуса личности, в соответствии с духом общепризнанных принципов и норм международного права. Например, рассматриваемый объект совпадает с его российским аналогом, такая ситуация, наблюдается в уголовном законодательстве Кыргызской Республики. Уголовное право Республики Казахстан сужает объект до отношений по выплате заработной платы, исключая из него иные социальные выплаты. Однако встречаются и более объемные дефиниции объекта рассматриваемого преступления. Так, в уголовном законодательстве Республики Беларусь, Грузии объект сформулирован, как комплекс общественных отношений в сфере обеспечения законодательства о труде, где среди прочих, указывается и право на заработную плату. Каждый из приведенных подходов в понимании объекта прямым образом влияет на установление предмета преступления, поскольку, в одном случае, — это все социальные выплаты, указанные в норме уголовного закона, а в другом — только заработная плата. Аналогично обстоит дело и с признанием потерпевшего, т. к., если ответственность наступает только за невыплату заработной платы, то в качестве последних могут рассматриваться только работники, которым задержали ее выплату. Напротив, если же речь идет и об иных выплатах, помимо заработной платы, то и потерпевшими могут признаваться другие лица, которым по закону эти выплаты предназначены.

Конституция Российской Федерации в ч. 3 ст. 37 гарантирует право каждого человека на вознаграждение за труд, без какой-либо дискриминации. Детально вопросы оплаты труда регламентированы разделом 6

ТК РФ. Закон гарантирует каждому работнику справедливое и своевременное вознаграждение за труд. Проведенный анализ трудового законодательства позволяет сделать ряд нижеследующих выводов об исследуемом праве. Так, заработная плата не может быть ниже установленного законом федерального (регионального)¹ МРОТ. Выплата заработной платы должна производиться в денежной форме в российских рублях. Доля заработной платы, выплачиваемая в неденежной форме, ограничена законодательством: она не может превышать 20% от общей суммы. Законодательные органы государственной власти субъектов Российской Федерации могут принимать законы, устанавливающие более высокий, по сравнению с федеральным, размер минимальной заработной платы в своем субъекте Российской Федерации². Оплата труда в натуральной форме возможна только по заявлениям работников. Согласно ст. 136 ТК РФ, заработная плата выплачивается не реже, чем каждые полмесяца в день, установленный правилами внутреннего трудового распорядка организации, коллективным или трудовым договором. Следовательно, практикующаяся выплата зарплаты в некоторых организациях, один раз в месяц, а иногда и реже — незаконна, при этом не имеют значения причины такой невыплаты в установленные сроки.

Как было отмечено выше, помимо заработной платы в объект преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, включены права на получение пенсии, стипендии, пособия и других выплат. В соответствии с действующим законодательством по государственному пенсионному обеспечению, назначаются пенсии за выслугу лет, по старости, по инвалидности, социальная пенсия. Стипендия представляет собой денежную выплату, назначаемую студентам, аспирантам и докторантам, обучающимся по очной форме обучения в образовательных учреждениях и научных организациях. Социальное пособие — безвозмездное предоставление гражданам определенной денежной суммы за счет средств соответствующих бюджетов (ст. 1 ФЗ от 17.07.1999 «О государственной социальной помощи»). В соответствии со ст. 39 Конституции Российской Федерации, каждому гарантируется социальное обеспечение по возра-

¹ Федеральный закон от 19.06.2000 № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» // СЗ РФ. 2000. 26 июня. № 26. Ст. 2729.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 6; Указ Президента РФ от 19.01.1996 № 66 «О мерах по обеспечению своевременности выплаты заработной платы за счет бюджетов всех уровней, пенсий и иных социальных выплат: // СЗ РФ. 1996. 22 янв. № 4. Ст. 265.

сту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. Например, ежемесячная продовольственная компенсация и другие выплаты сотрудникам правоохранительных органов, государственным служащим, компенсации лицам, работающим и проживающим на Крайнем Севере и т. п.

Статья 23 Федерального закона от 17.12.2001 № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»¹ устанавливает, что выплата начисленных сумм пенсии, включая их доставку, производится за текущий календарный месяц. Сроки обязательной выплаты стипендий определяются соответствующим положением и приказами по образовательному учреждению. Согласно п. 20 Типового положения о стипендиальном обеспечении... выплата государственной (академической) и социальной стипендии производится один раз в месяц². Государственная социальная стипендия назначается в обязательном порядке студентам: из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; признанным в установленном порядке инвалидами I и II групп; пострадавшим в результате аварии на Чернобыльской АЭС и других радиационных катастроф; являющимся инвалидами и ветеранами боевых действий. Сроки обязательной выплаты пособия устанавливаются тем органом власти, из бюджета которого они производятся.

Выплаты, перечисленные и подразумеваемые в диспозиции указанной статьи, объединяются по общему признаку, с учетом того, что все они рассматриваются, как составляющие конституционного права человека на оплату труда, социальное обеспечение и на другие выплаты, гарантированные государством.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение непосредственным объектам преступлений против социальных прав и свобод человека и гражданина?
2. Кого следует признавать потерпевшим в преступлениях против социальных прав и свобод человека и гражданина?
3. Какие выделяются предметы в преступлениях против социальных прав и свобод человека и гражданина?

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. 24 дек. № 52 (Часть I). Ст. 4920.

² Постановление Правительства РФ от 27.06.2001 № 487 «Об утверждении Типового положения о стипендиальном обеспечении и других формах материальной поддержки студентов федеральных государственных образовательных учреждений высшего и среднего профессионального образования, аспирантов и докторантов» // СЗ РФ. 2001. 9 июля 2001. № 28. Ст. 2888.

2.4 Непосредственный объект, предмет и потерпевший в преступлениях против интеллектуальных прав

На закрепленное и гарантируемое в ст. 44 Конституции Российской Федерации право интеллектуальной собственности посягают преступления, предусмотренные ст. 146 и 147 УК РФ. «Интеллектуальная собственность» — общий термин используемый для обозначения исключительных прав, до недавнего времени связанный с ней круг отношений регламентировался целым пакетом специальных законов¹. Однако с введением в действие части четвертой ГК РФ они утрачивают силу, и с 1 января 2008 г. указанные правоотношения регулируются гражданским законодательством (ст. 1225–1551 ГК РФ)². Определяя объекты названных преступлений, Ю. В. Трунцевский пишет, что ими являются отношения по поводу реализации возможностей, связанных с осуществлением заявленных прав³. С. В. Бородин полагает, что такими объектами следует признавать социальные права и свободы, обеспечивающие авторские, смежные, изобретательские или патентные права⁴. Другие исследователи указывают, что ими являются авторские, смежные, изобретательские и патентные права, как составная часть гарантированной в ст. 44 Конституции Российской Федерации, свободы литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания⁵.

В приведенных точках зрения по поводу объектов рассматриваемых преступлений совершенно точно выделены те права, которые подлежат уголовно-правовой охране среди прочих прав интеллектуальной деятельности, что позволяет нам на их основе через призму общественных отношений выработать собственную дефиницию. Думается, что

¹ См.: Патентный закон Российской Федерации от 23.09.1992 № 3517-1 // Российская газета. 1992. 14 окт. № 225; Закон РФ от 23.09.1992 № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» // Российская газета. 1992. 17 окт; Закон РФ от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах» // Российская газета. 1993. 3 авг и др.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. 25 дек. № 52 (часть I). Ст. 5496.

³ Трунцевский Ю. В. Видеопиратство. Уголовная ответственность, раскрытие и расследование преступлений. М., 2000. С.28.

⁴ Уголовное право России. Особенная часть / под. ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 1999. С. 116–118.

⁵ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996. С. 102.

непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ, являются общественные отношения по реализации авторских и смежных прав, гарантированных ст. 44 Конституции Российской Федерации. В свою очередь, в объект преступления, предусмотренного ст. 147 УК РФ, будут включены изобретательские и патентные права.

При определении исследуемого объекта в зарубежном уголовном праве встречаются различные варианты. В УК Республики Казахстан, указанный объект отнесен к отношениям собственности. В КНР право интеллектуальной собственности рассматривается, как составная часть экономических отношений. Вполне распространенным является и подход, тождественный российскому (см.: УК Республики Таджикистан, Республики Беларусь, Азербайджанской Республики и др.).

Аргументы в пользу подхода, к каким правоотношениям стоят ближе интеллектуальные права можно суммировать в виде следующих кратких тезисов: по российскому варианту они заключаются в том, что право на объекты интеллектуальной деятельности гарантируются Конституцией РФ среди прочих основных прав и свобод. Следовательно, вполне логично, что нормы, направленные на их охрану, расположены в соответствующей главе о преступлениях, посягающих на эти права и свободы.

Приверженцы второго подхода (о принадлежности к праву собственности) мотивируют свою позицию тем, что в результате совершения подобных деяний, потерпевшим причиняется материальный ущерб, а это ничто иное, как посягательство на имущественные интересы, а, значит, на право собственности. Думается, им можно было бы возразить, что, в первую очередь, подобные преступления угрожают конституционному праву на объекты интеллектуальной собственности и только во вторую очередь ставят под угрозу материальные интересы. Более того, в большинстве изученных нами уголовных кодексах зарубежных стран анализируемые нормы имеют формальную конструкцию состава преступления. Следовательно, наступление последствий в виде причиненного ущерба вообще не влияет на квалификацию совершенного деяния. Однако и в тех случаях, когда причинение убытков признано обязательным, основным объектом выступают общественные отношения, направленные на охрану интеллектуальных прав, а материальные интересы потерпевших должны рассматриваться в качестве дополнительного объекта преступного посягательства.

Как нам представляется, в российском уголовном праве точное установление объекта рассматриваемого деяния позволило правильно выбрать соответствующую главу уголовного кодекса. Данная ситуа-

ция схожа с расположением ст. 162 УК РФ в гл. 21, поскольку разбой одновременно посягает и на имущество, и на жизнь или здоровье потерпевшего, но с учетом изначального умысла на совершение хищения, вполне справедливо, что данный состав расположен среди преступлений против собственности.

Однако, соглашаясь с тем, что объекты анализируемых прав зачастую включены в экономический оборот, имеют потребительскую стоимость, приносят доходы его правообладателям, дополнительным объектом этих преступлений можно признать отношения, направленные на охрану права собственности и иных имущественных интересов, заинтересованных лиц (напр., автора, его правопреемника и пр.). Такой подход в понимании дополнительного объекта указанных деяний можно встретить и у других правоведов¹.

Предметы преступлений, предусмотренных ст. ст. 146 и 147 УК РФ, учитывая бланкетный характер их диспозиций, определять следует на основании норм гражданского законодательства. В соответствии со ст. 1259 ГК РФ, к предметам первого преступления следует отнести: 1) литературные произведения; 2) музыкальные произведения с текстом или без текста; 3) аудиовизуальные произведения; 4) произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна; 5) произведения архитектуры, градостроительства; 7) фотографические произведения; 8) программы для ЭВМ и др.

Предметами преступления, предусмотренного ст. 147 УК РФ, в свою очередь, выступают: изобретение, полезная модель или промышленный образец.

Однако обратим внимание, что предметами указанные произведения, программы, изобретения и пр. будут признаваться в случае, если они выражены на материальном носителе. Следовательно, последними можно признать рукописи, картины, чертежи, скульптуры, фотографии, кассеты с аудио- или видеозаписями, компьютерные диски с программным обеспечением, макеты, модели, детали, конструкции и т. п.

Потерпевшими по указанным статьям признаются их правообладатели (авторы, исполнители, изготовители фонограмм, режиссеры, публикатор, изобретатели и иные лица, обладающие авторскими, смежными, изобретательскими и патентными правами), в соответствии с нормами гражданского законодательства.

¹ См.: напр., Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. А. И. Бойко. Ростов-н/Д., 1996. С. 333; Уголовное право. Особенная часть / под ред. В. Н. Петрашева. М., 1999. С. 134 и др.

Говоря о краткой характеристике интеллектуальных прав, отметим, что авторское право регулирует отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы, искусства и пр., причем, как на обнародованные, так и на необнародованные произведения, выраженные в какой-либо объективной форме, в том числе в письменной, устной, звуко- или видеозаписи и т. д. Закон для возникновения, осуществления и защиты, авторских прав не требует регистрации произведения или соблюдение каких-либо иных формальностей. Смежные с авторскими права распространяются на права исполнителей, производителей, организаций эфирного вещания, организаций кабельного вещания и т. п. Наряду с авторскими и смежными правами, законодательство охраняет интеллектуальные права на объекты промышленной собственности: изобретение, полезную модель, промышленный образец. Охрана в подобных случаях осуществляется с помощью патента или свидетельства, которые удостоверяют авторство изобретения, полезной модели или промышленного образца и закрепляют за лицом исключительное право на их использование¹.

Вопросы для самоконтроля

1. Дайте определение непосредственным объектам преступлений против интеллектуальных прав и свобод человека и гражданина?
2. Кого следует признавать потерпевшим в преступлениях против интеллектуальных прав и свобод человека и гражданина?
3. Какие выделяются предметы в преступлениях против интеллектуальных прав и свобод человека и гражданина?

¹ Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 30.03.2001 № 36-15-01 «О практике применения законодательства по защите интеллектуальной собственности, состоянии прокурорского надзора и мерах по усилению борьбы с пиратством в аудиовизуальной сфере» [Электронный ресурс]. Режим доступа: Справочно-правовая система «Гарант».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем учебном пособии предпринята попытка комплексного исследования уголовно-правовых аспектов объектов преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина, что позволило сформулировать следующие научно-обоснованные выводы:

Названия разд. 7 и гл. 19 УК РФ не отражают сущность родового и видового объектов преступлений против конституционных прав и свобод человека. Раздел 7 УК РФ следует озаглавить «Преступления против человека», гл. 19 УК РФ — «Преступления против личных, политических, социальных и интеллектуальных прав и свобод человека».

В качестве непосредственных объектов преступлений указанной группы, следует рассматривать общественные отношения в сфере реализации прав и свобод человека, провозглашенных Конституцией Российской Федерации (например, отношения в сфере реализации избирательных прав граждан и права на участие в референдуме). В большинстве анализируемых норм установлены специальные признаки потерпевшего (например, беременная женщина, журналист, автор произведения, патентообладатель и др.) и предмета преступления (например, избирательные документы, специальные средства, предназначенные для негласного получения информации и т. д.), которые обязательно должны устанавливаться и учитываться при квалификации уголовно наказуемых деяний, посягающих на конституционные права и свободы человека.

С учетом того обстоятельства, что большинство диспозиций норм гл. 19 УК Российской Федерации, являются бланкетными, детализацию конституционных прав и свобод, охраняемых уголовным законом, необходимо проводить на основании соответствующих федеральных законов и иных нормативных актов, которые в своей совокупности и устанавливают границы общественных отношений, рассматриваемых в качестве объектов указанных преступлений.

Сравнительное исследование объектов смежных преступных посягательств по уголовному праву зарубежных стран показало, что

российская позиция в этой части во многом с ними совпадает. Свидетельство тому, например, выделение во многих зарубежных уголовных кодексах по признакам видового объекта соответствующих глав (разделов, отделов), в которых сгруппированы нормы о преступлениях против конституционных прав и свобод человека, а также схожесть непосредственных объектов преступлений, поставленных под охрану уголовного закона. Вместе с тем, встречаются и принципиально отличающиеся подходы, которые предлагают иное содержание и объем непосредственных объектов преступлений против конституционных прав и свобод. Например, это касается уголовно-правовой защиты свободы совести, свободы слова, прав на некоторые виды интеллектуальной деятельности, которые на сегодня в России не введены в поле уголовно-правовой охраны.

Совершенно очевидно, что нормы главы 19 УК РФ далеко не охватывают своей юрисдикцией все права и свободы, провозглашенные Конституцией Российской Федерации. При этом, часть из них включены в объекты преступлений, которые расположены в других главах и разделах УК РФ. Однако некоторые деяния вообще находятся вне правового поля уголовного закона. Такая ситуация требует проведения дальнейших исследований, направленных на совершенствование уголовного законодательства с целью повышения его эффективности в области борьбы с преступлениями, посягающими на конституционные права и свободы человека в Российской Федерации.

В целом тема, изложенная в учебном пособии, имеет большие перспективы для научно-исследовательской деятельности как в рамках обучения студентов образовательных учреждений высшего образования, так и в рамках послевузовской практической работе в правоохранительной и правозащитной сферах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные акты и официальные тексты

1. Венская конвенция о дипломатических сношениях (Вена, 18 апреля 1961 г.) [Текст] / Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. 29 апр. № 18. Ст. 221.
2. Декларация о правах умственно отсталых лиц (1971 г.) [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «Гарант».
3. Закон Российской Федерации от 18.04.1991 № 1026-1 «О милиции» [Текст] // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. 22 апр. № 16. Ст. 503.
4. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [Текст] // Российская газета. 1992. 8 февр. № 32.
5. Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [Текст] // Российская газета. 1992. 29 июля.
6. Закон Российской Федерации от 23.09.1992 № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» [Текст] // Российская газета. 1992. 17 окт.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ЕТС № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) [Текст] // СЗ РФ. 2001. 8 янв. № 2. Ст. 163.
8. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) принята и открыта для подписания, присоединения и ратификации резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 44/25 от 20 ноября 1989 г. [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «Гарант».
9. Конституция Азербайджанской Республики. Конституции государств Европы [Текст]. М., 2001.
10. Конституция Испании. Конституции государств Европы [Текст]. М., 2001.
11. Конституция Италии. Конституции государств Европы [Текст]. М., 2001.
12. Конституция Королевства Нидерландов. Конституции государств Европы [Текст]. М., 2001.
13. Конституция Кыргызской Республики [Текст]. Конституции стран СНГ и Балтии М., 1999.
14. Конституция Португальской Республики. Конституции государств Европы [Текст]. М., 2001.

15. Конституция Республики Армения [Текст] / Конституции стран СНГ. Ереван, 1997.
16. Конституции Республики Беларусь [Текст]. Конституции стран СНГ и Балтии М., 1999.
17. Конституция Республики Казахстан [Текст] / Конституции стран СНГ. Ереван, 1997.
18. Конституция Республики Молдовы. Конституции государств Европы [Текст]. М., 2001. Т. 2.
19. Конституция Республики Польша. Конституции государств Европы [Текст]. М., 2001.
20. Конституции Республики Турция. Конституции государств Европы [Текст]. М., 2001.
21. Конституция Республики Узбекистан [Текст] // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1993. № 1. Ст. 4.
22. Конституции Республики Хорватия. Конституции государств Европы [Текст]. М., 2001.
23. Конституция Российской Федерации. М., 2007.
24. Конституция Украины [Текст] / Конституции стран СНГ. Ереван, 1997.
25. Конституция Японии. М., 2004.
26. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17(1831). Ст. 291.
27. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22.07.1993 № 5487-1 [Текст] // Российские вести. 1993. 9 сент. № 174.
28. Постановление Минтруда Российской Федерации от 24.10.2002 № 73 «Об утверждении форм документов, необходимых для расследования и учета несчастных случаев на производстве, и Положения об особенностях расследования несчастных случаев на производстве в отдельных отраслях и организациях» [Текст] // Российская газета. 2002. 18 дек. № 237.
29. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст] // Российская газета. 2001. 22 дек. № 249.
30. Уголовный кодекс России [Текст]. М., 2007.
31. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.1993 № 2334 «О дополнительных гарантиях прав граждан на информацию» [Текст] // Российская газета. 1994. 10 янв. № 4.
32. Указ Президента Российской Федерации от 19.01.1996 № 66 «О мерах по обеспечению своевременности выплаты заработной пла-

ты за счет бюджетов всех уровней, пенсий и иных социальных выплат» [Текст] // СЗ РФ. 1996. 22 янв. № 4. Ст. 265.

33. Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [Текст] // Российская газета. 1994. 12 мая. № 88.

34. Федеральный закон от 05.07.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [Текст] // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

35. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [Текст] // Российская газета. 1996. 24 янв.

36. Федеральный закон от 26.11.1996 № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» [Текст] // СЗ РФ. 1996. 2 дек. № 49. Ст. 5497.

37. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [Текст] // СЗ РФ. 1996. 23 дек. № 52. Ст. 5880.

38. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «О судебных приставах» [Текст] // Российская газета. 1997. 5 авг.

39. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [Текст] // СЗ РФ. 1997. 29 сент. № 39. Ст. 4465.

40. Федеральный закон от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» [Текст] // СЗ РФ. 1998. 1 июня. № 22. Ст. 2331.

41. Федеральный закон от 19.06.2000 № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда» [Текст] // СЗ РФ. 2000. 26 июня. № 26. Ст. 2729.

42. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [Текст] // Российская газета. 10 авг. № 153.

43. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» [Текст] // СЗ РФ. 2002. 4 февр. № 5. Ст. 375.

44. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 2002. 17 июня. № 24. Ст. 2253.

45. Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 2003. 13 янв. № 2. Ст. 171.

46. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» [Текст] СЗ РФ. 2004. 5 июля. № 27. Ст. 2710.

47. Федеральный закон от 18.05.2005 № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [Текст] // СЗ РФ. 2005. 23 мая. № 21. Ст. 1919.

48. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Текст] // СЗ РФ. 2006. 31 июля. № 31 (часть I). Ст. 3448.

Учебная и научная литература

49. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Т. 1 [Текст] / С. А. Авакьян. М., 2005.

50. Багмет, А. М., Скобелин С. Ю. Пределы ограничения конституционных прав граждан в ходе осмотра сотовых телефонов участников уголовного судопроизводства [Текст] / А. М. Багмет, С. Ю. Скобелин // Уголовное право. 2017. № 6.

51. Баглай, М. В. Конституционное право Российской Федерации [Текст] / М. В. Баглай, Б.Н. Габричидзе. М., 1996.

52. Баранов, В. М. О законодательном определении категории «частная жизнь» (логико-гносеологические и юридикопсихологические проблемы). Право граждан на информацию и защиту неприкосновенности частной жизни [Текст] : сборник научных трудов. Ч. 1 / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 1999.

53. Бондарь, Н. С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе [Текст] / Н. С. Бондарь. Ростов н/Д., 1996.

54. Бондарь, Н. С. Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации [Текст] / Н. С. Бондарь, Ю. В. Капранова. Ростов н/Д. : РостГУ, 2002.

55. Борисов, В. И. Ответственность за нарушение правил по технике безопасности на производстве [Текст] / В. И. Борисов. Киев, 1984.

56. Быкова, Е. Г. Некоторые вопросы уголовно-правовой оценки невыплаты заработной платы при банкротстве организации [Текст] / Е. Г. Быкова, С. А. Яшкова // Уголовное право. 2019. № 2.

57. Веденеев, Ю. А., Избирательные правоотношения [Текст] / Ю. А. Веденеев, С. Д. Князев // Государство и право. 1999. № 12.

58. Витрук, Н. В. Процессуальные формы реализации и охраны прав и обязанностей граждан [Текст] / Н. В. Витрук // Юридическая процессуальная форма: теория и практика. М., 1976.

59. Владыкина, Т. А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» [Текст] / Т. А. Владыкина // Уголовное право. 2016. № 4.
60. Воеводин, Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан [Текст] / Л. Д. Воеводин. М., 1972.
61. Воеводин, Л. Д. Юридический статус личности в России [Текст]: учеб. пособ. / Л. Д. Воеводин. М., 1997.
62. Выдрин, И. В. Избирательное право Российской Федерации [Текст] / И. В. Выдрин. М., 2004.
63. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика [Текст] / Л. Д. Гаухман. М., 2003.
64. Головистикова, А. Н. Права человека [Текст] / А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцина. М., 2006.
65. Горелик, И. И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья [Текст] / И. И. Горелик. М., 1973.
66. Голощапов, С. А. Правовые вопросы охраны труда в СССР [Текст] / С. А. Голощапов. М., 1982.
67. Гроций, Г. О праве войны и мира [Текст] / Г. Гроций М., 1956.
68. Гуев, А. Н. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для предпринимателей [Текст] / А. Н. Гуев М., 2006.
69. Дежнев, А. С. Семейная тайна как объект уголовно-процессуальной защиты [Текст] / А. С. Дежнев // Российский юридический журнал. Екатеринбург, 2009. № 2.
70. Дектерев, А. А. Квалифицированные виды воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ) [Текст] // Уголовное право. 2019. № 2.
71. Демченко, В. Генпрокурор недоволен мягким приговором [Текст] / В. Демченко // Известия. 2004. 4 июня.
72. Дозорцев, В. А. Понятие исключительного права [Текст] / В. А. Дозорцев // Юридический мир. 2000. № 3.
73. Дозорцев, В. А. Творческий результат: система правообладателей [Текст] / В. А. Дозорцев // Вестник ВАС РФ. 2002. № 11.
74. Дубровская, И. А. Новое в расследовании несчастных случаев на производстве [Текст] // И. А. Дубровская. М., 2007.
75. Еременко, О. В. Реализация конституционного принципа равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин в сфере трудовых правоотношений: некоторые аспекты проблемы [Текст] / О. В. Еременко // Проблемы реализации конституционно-правовых норм. Челябинск, 2004.

76. Замошкин, Ю. А. Частная жизнь, частный интерес, частная ответственность [Текст] / Ю. А. Замошкин // Вопросы философии. 1991. № 1.
77. Зателепин, О. К вопросу о понятии объекта преступления в уголовном праве [Текст] / О. Зателепин // Уголовное право. 2003. № 1.
78. Иванов, В. Н. Уголовно-правовая охрана основных прав граждан [Текст] / В. Н. Иванов. М., 1967.
79. Иванов, Н. Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части [Текст] / Н. Г. Иванов. М., 2000.
80. Иванов, В. Д. Уголовное право. Особенная часть [Текст] / В. Д. Иванов. Ростов н/Д., 2002.
81. Иванов, В. Д. Уголовное право. Общая часть [Текст] / В. Д. Иванов. Ростов н/Д., 2002.
82. Каленых, А. В. Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее преступность деяния медицинских работников, в дореволюционной России // Философские и исторические основы уголовного права : мат-лы III Междунар. науч.-практич. конф. [Текст] / А. В. Каленых. Екатеринбург, 2007.
83. Карташкин, В. А. Механизм защиты прав человека [Текст] / В. А. Карташкин // Ежегодник российского права М., 2000.
84. Климова, Ю. Уголовная ответственность за подкуп избирателей [Текст] / Ю. Климова // Уголовное право. М., 2008. № 1.
85. Козаченко, И. Я. Антропологические модели уголовного права // Межотраслевые аспекты и методология уголовного права : материалы Международной научно-практической конференции [Текст] / И. Я. Козаченко. Екатеринбург, 2006.
86. Комментарий Конституции Российской Федерации [Текст] / под общ. ред. Ю. В. Кудрявцева. М., 1996.
87. Комментарий Конституции Российской Федерации [Текст] / под ред. Б. Н. Топорнина. М., 1997.
88. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Текст] / под ред. Л. А. Окунькова. М., 2002.
89. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / под ред. А. И. Бойко. Ростов н/Д., 1996.
90. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / под ред. Н. Ф. Кузнецовой. М., 1998.
91. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2004.
92. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Текст] / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2005.

93. Коржанский, Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны [Текст] / Н. И. Коржанский. М., 1980.
94. Красиков, А. Н. Уголовно-правовая охрана политических, гражданских и иных конституционных прав и свобод человека и гражданина в России [Текст] / А. Н. Красиков. Саратов, 2000.
95. Краткий политический словарь [Текст]. М., 2002.
96. Кругликов, Л. Л. Унификация в уголовном праве [Текст] / Л. Л. Кругликов, Л. Е. Смирнова. М., 2008.
97. Кузнецов, А. В. Уголовно-правовая охрана интересов личности в СССР [Текст] / А. В. Кузнецов. М., 1969.
98. Кузнецова, Н. Ф. Об эффективности уголовно-правовой охраны трудовых прав граждан [Текст] / Н. Ф. Кузнецова, Ю. Н. Аргунова // Государство и право. 1996. № 10.
99. Куинн, Ф. Права человека и Ты. Основные документы ООН, документы ОБСЕ и документы Совета Европы о правах человека [Текст] Ф. Куинн. Варшава, 1999.
100. Куприна, Е. Тайна. Обзор нормативных актов [Текст] / Е. Куприна // Закон. 1998. № 4.
101. Курс уголовного права. Особенная часть [Текст] / под. ред. Г. Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. М., 2001.
102. Лукашева, Е. А. Общая теория прав человека [Текст] / Е. А. Лукашева. М., 1996.
103. Мажинская, Н. Г. Проблема отграничения фальсификации избирательных документов от смежных составов в российском уголовном праве [Текст] / Н. Г. Мажинская // Юридический вестник РГЭУ, 2001, № 4.
104. Матузов, Н. И. Личность. Права. Демократия [Текст] / Н. И. Матузов. М., 1972.
105. Мачковский, Л. Об объекте преступлений, предусмотренных в главе 19 УК РФ [Текст] / Л. Мачковский // Уголовное право. 2001. № 4.
106. Мачковский, Л. Г. Охрана безопасности труда в уголовном законодательстве России и зарубежных государств [Текст] / Л. Г. Мачковский. // Современное право. 2004. № 9.
107. Мелкозерова, О. Чужая тайна [Текст] / О. Мелкозерова // Российская газета. 2005. 20 июля.
108. Научно-практический комментарий к главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» [Текст] / под. ред. К. А. Экштанна. М., 2000.
109. Нерсесян В. С. Правовой принцип формального равенства [Текст] / В. С. Нерсесян // Государство и право. М., 2011. № 2.

110. Никифоров, Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву [Текст] / Б. С. Никифоров. М., 1960.
111. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. М., 1995.
112. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1994.
113. Охранительный механизм в правовой системе социализма [Текст]. Красноярск, 1989.
114. Патюлин, В. А. Государство и личность в СССР (Правовые аспекты взаимоотношений) [Текст] / В. А. Патюлин. М., 1974.
115. Петросян, М. Что такое неприкосновенность частной жизни [Текст] / М. Петросян // Правозащитник. № 1. М., 1995.
116. Петроченков, С. Д. О квалификации преступлений, совершенных с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации [Текст] / С. Д. Петроченков // Уголовное право. 2019. № 2.
117. Петрухин, И. Л. Личные тайны (человек и власть) [Текст] / И. Л. Петрухин. М., 1998.
118. Пикуров, Н. И. Проблемы квалификации преступных посягательств на частную жизнь: теория и судебная практика [Текст] / Н. И. Пикуров // Уголовное право. 2019. № 2.
119. Права человека [Текст] : учеб. для вузов / под. ред. Е. А. Лукашевой. М., 2001.
120. Попов, К. И. Прослушивание телефонных переговоров: соотношение следственного действия и оперативно-розыскного мероприятия [Текст] / К. И. Попов // Проблемы совершенствования российского законодательства в обеспечении законных прав и интересов личности : мат-лы Всерос. науч.-практич. конф. Челябинск, 2002.
121. Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации [Текст] / под общ. ред. В. Д. Карповича. М., 2002.
122. Рожнов, А. А. Профессиональная тайна в уголовном праве России. История и современность [Текст] / А. А. Рожнов. Ульяновск, 2002.
123. Розенбаум, Ю. А. Советское государство и церковь [Текст] / Ю. А. Розенбаум. М., 1958.
124. Рудинский, Ф. М. Личные права и свободы граждан СССР. Конституционный статус личности в СССР [Текст] / Ф. М. Рудинский. М., 1983.
125. Сабитов, Р. А. Квалификация уголовно-правовых деяний [Текст] / Р. А. Сабитов. Челябинск, 1998.

126. Савельев, В. Н. Свобода совести: История и теория [Текст] / В. Н. Савельев. М., 1991.
127. Саидов, А. Х. Общепризнанные права человека [Текст] / А. Х. Саидов. М., 2004.
128. Сахаров, А. Б. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР [Текст] / А. Б. Сахаров. М., 1958.
129. Соктоев, З. Б. Нарушение требований охраны труда: о новом постановлении пленума [Текст] / З. Б. Соктоев // Уголовное право. 2019. № 1.
130. Соловьев, А. Принципы управления охраной труда [Текст] / А. Соловьев, О. Фролов // Охрана труда и социальное страхование. 2000. № 5.
131. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Общая часть [Текст] / Н. С. Таганцев. СПб., 1902. Т. 1.
132. Таций, В. Я. Объект и предмет преступления по советскому уголовному праву [Текст] / В. Я. Таций. Харьков, 1988.
133. Толкачев, К. Б. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан [Текст] / К. Б. Толкачев, А. Г. Хабибуллин. Уфа, 1991.
134. Трифанов, В. В. Уголовное право Российской Федерации [Текст] / В. В. Трифанов, А. В. Хабаров. Тюмень, 2004.
135. Трудовое право [Текст] : учеб. / под ред. О. В. Смирнова. М., 2001.
136. Трунцевский, Ю. В. Видеопиратство. Уголовная ответственность, раскрытие и расследование преступлений [Текст] / Ю. В. Трунцевский. М., 2000.
137. Тугаринов, В. П. Личность и общество [Текст] / В. П. Тугаринов. М., 1965.
138. Уголовное право. Общая часть [Текст] / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Ю. И. Ткачевского, Г. Н. Борзенкова. М., 1993.
139. Уголовное право России. Общая часть [Текст] / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996.
140. Уголовное право России. Особенная часть [Текст] / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996.
141. Уголовное право. Общая часть : учеб. [Текст] / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М., 1997.
142. Уголовное право. Общая часть : учеб. [Текст] / под ред. Р. Р. Галиакбарова. Саратов, 1997.
143. Уголовное право. Общая часть : учеб. для вузов [Текст] / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова. М., 1999.

144. Уголовное право России [Текст] / под ред. В. П. Ревина. М., 1998.
145. Уголовное право. Особенная часть [Текст] / под ред. В. Н. Петрашева. М., 1999.
146. Уголовное право России. Особенная часть [Текст] / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. Т. 2. М., 2000.
147. Уголовное право России. Общая часть [Текст] / под ред. А. И. Рарога. М., 1998.
148. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть [Текст] / под ред. А. И. Рарога. М., 2002.
149. Уголовное право [Текст] / под ред. Н. И. Ветрова, А. В. Арендаренко. М., 2002.
150. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части : учеб. [Текст] / под ред. Р. А. Базарова, В. П. Ревина. Челябинск, 2003.
151. Уголовный закон в практике мирового судьи : науч.-практич. пособ. [Текст] / под ред. А. В. Галаховой. М., 2005.
152. Устинова, Т. Нарушение тайны переписки, телефонных и иных сообщений граждан [Текст] / Т. Устинова // Уголовное право. 1998. № 2.
153. Филимонов, В. Д. Норма уголовного права [Текст] / В. Д. Филимонов. СПб., 2004.
154. Чучаев А. И. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина. Понятие и характеристика [Текст] / А. И. Чучаев, А. А. Крущов. М., 2010.
155. Шепельков В. Ф., Срок давности по делам о невыплате заработной плате [Текст] / В. Ф. Шепельков, С. М. Оленников // Уголовное право. 2019. № 1.
156. Шраменко, М. Страсбургский суд удовлетворил жалобу челябинской религиозной общины на представителей властей [Текст] / М. Шраменко // Челябинский рабочий. 2007. 17 января. № 7.
157. Ярхо, А. В. Законодательство об охране труда [Текст] / А. В. Ярхо. М., 1988.

**Диссертации и авторефераты диссертаций
на соискание ученой степени доктора юридических наук**

158. Гринберг, М. С. Преступления против общественной безопасности в сфере взаимодействия человека и техники [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / М. С. Гринберг. Свердловск, 1973.
159. Мартыненко Н. Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего : дис. ... д-ра юрид. наук., М., 2015.

160. Мачковский, Л. Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук / Л. Г. Мачковский. М., 2005.

161. Мордовец, А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. С. Мордовец. Саратов, 1997.

162. Новоселов, Г. П. Актуальные учения об объекте преступления: методологические аспекты [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук / Г. П. Новоселов. Екатеринбург, 2001.

163. Нуркаева, Т. Н. Уголовно-правовая охрана личных (гражданских) прав и свобод человека (вопросы теории и практики) [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Т. Н. Нуркаева. М., 2006.

164. Рахманова, Е. Н. Защита прав человека от преступности в условиях глобализации [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е. Н. Рахманова. СПб., 2010.

165. Серебренникова, А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Серебренникова. М, 2008.

166. Тасаков, С. В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С. В. Тасаков. Екатеринбург, 2010.

167. Тяжкова, И. М. Ответственность за неосторожные преступления, совершаемые при использовании источников повышенной опасности [Текст] : дис. ... д-ра юрид. наук / И. М. Тяжкова. М., 2003.

168. Фролов, Е. А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е. А. Фролов. Свердловск, 1971.

169. Яблоков, Н. П. Проблемы расследования и предупреждения преступлений в области охраны труда и техники безопасности [Текст] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. П. Яблоков М., 1972.

**Диссертации и авторефераты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата юридических наук**

170. Бессонова, И. В. Нарушение правил охраны труда в уголовном праве России [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. В. Бессонова. М., 2002.

171. Бушков, Д. В. Тайна личной корреспонденции в уголовном праве [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / Д. В. Бушков. Ставрополь, 2003.

172. Великий, А. А. Нарушение правил труда: уголовно-правовой и криминологический аспекты [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Великий. Челябинск, 2004.

173. Волошкина, Н. Н. Обеспечение конституционного права на неприкосновенность частной жизни при производстве предварительного следствия [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. Н. Волошина. М., 2000.

174. Диваева, И. Р. Уголовно-правовая охрана права на неприкосновенность частной (личной) жизни человека в России [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / И. Р. Диваева. Уфа, 2004.

175. Елисеева, Т. Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан Российской Федерации [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / Т. Н. Елисеева. М., 2004.

176. Калашникова, Е. Е. Уголовно-правовое обеспечение информации о частной жизни [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / Е. Е. Калашникова. М., 2001.

177. Лебедев, А. В. Политические права и свободы граждан Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Лебедев. Челябинск, 2003.

178. Новиков, В. А. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности жилища [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Новиков. М., 2001.

179. Пакутин, В. А. Ответственность по советскому уголовному праву за преступления в области охраны труда [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Пакутин. М., 1956.

180. Сабитова, Е. Ю. Документ как признак преступлений в сфере экономики [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Ю. Сабитова. Челябинск, 2003.

181. Синюкова, Т. В. Юридические гарантии реализации прав и обязанностей советских граждан (вопросы теории) [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т. В. Синюкова. Свердловск, 1986.

182. Тринчук, В. М. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений в сфере трудовых отношений [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / В. М. Тринчук. Омск, 2006.

183. Федосова, Н. С. Уголовное право и религия: проблемы взаимодействия и взаимодействия [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / Н. С. Федосова. Владивосток, 2003.

Судебная практика

184. Лингенс (Lingenès) против Австрии. Решение Европейского суда по правам человека от 9 мая 1986 г. [Текст] // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. М., 2000.

185. Определение Кассационной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 15.05.2003 № КАС 03-166 [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «Гарант».

186. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.06.1995 № 8-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта 8 части второй статьи 60 Жилищного кодекса РСФСР в связи с запросом Муромского городского народного суда Владимирской области и жалобами граждан Е. Р. Такновой, Е. А. Оглоблина, А. Н. Ващука» [Текст] // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1995. № 2.

187. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 июня 1997 г. «По делу о проверке конституционности положений статей 74 (часть первая) и 90 Конституции Республики Хакасия» [Текст] // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 5.

188. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.02.2000. № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона „О прокуратуре Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданина Б. Кехмана» [Текст] // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. № 3.

189. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.01.2002 № 2-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 69, части второй статьи 70 и статьи 90 Конституции Республики Татарстан, а также пункта 2 статьи 4 и пункта 8 статьи 21 Закона Республики Татарстан „О выборах народных депутатов Республики Татарстан“ в связи с жалобой гражданина М. М. Саламова» [Текст] // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2002. № 3.

190. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 г. № 16 «О практике применения судами уголовного законодательства, направленного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1987. № 1.

191. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.04.1994 № 3 «О судебной практике по делам о возмещении

вреда, причиненного повреждением здоровья» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 7.

192. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [Текст] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 6.

Учебное издание

Курманов Альберт Сафуатович

**ОБЪЕКТЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ
И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА**

Учебное пособие

Компьютерная верстка А. Г. Бурмистровой
Техническое редактирование: Т. Е. Бочарова

Сдано в набор 16.09.2019. Подписано в печать 23.10.2019.
Бумага офсетная. Печать ризографическая. Усл. печ. л. 6,51. Уч.-изд. л. 7,28.
Тираж 300 экз. Заказ 45

БИСТ (филиал) ОУП ВО «АТиСО»
450054, Уфа, просп. Октября, 74/2
Тел. (347) 241-42-59

Отпечатано в ИП Абдуллина
450059, Уфа, просп. Октября, 27, корп. 2, оф. 61
info@proprint02.ru